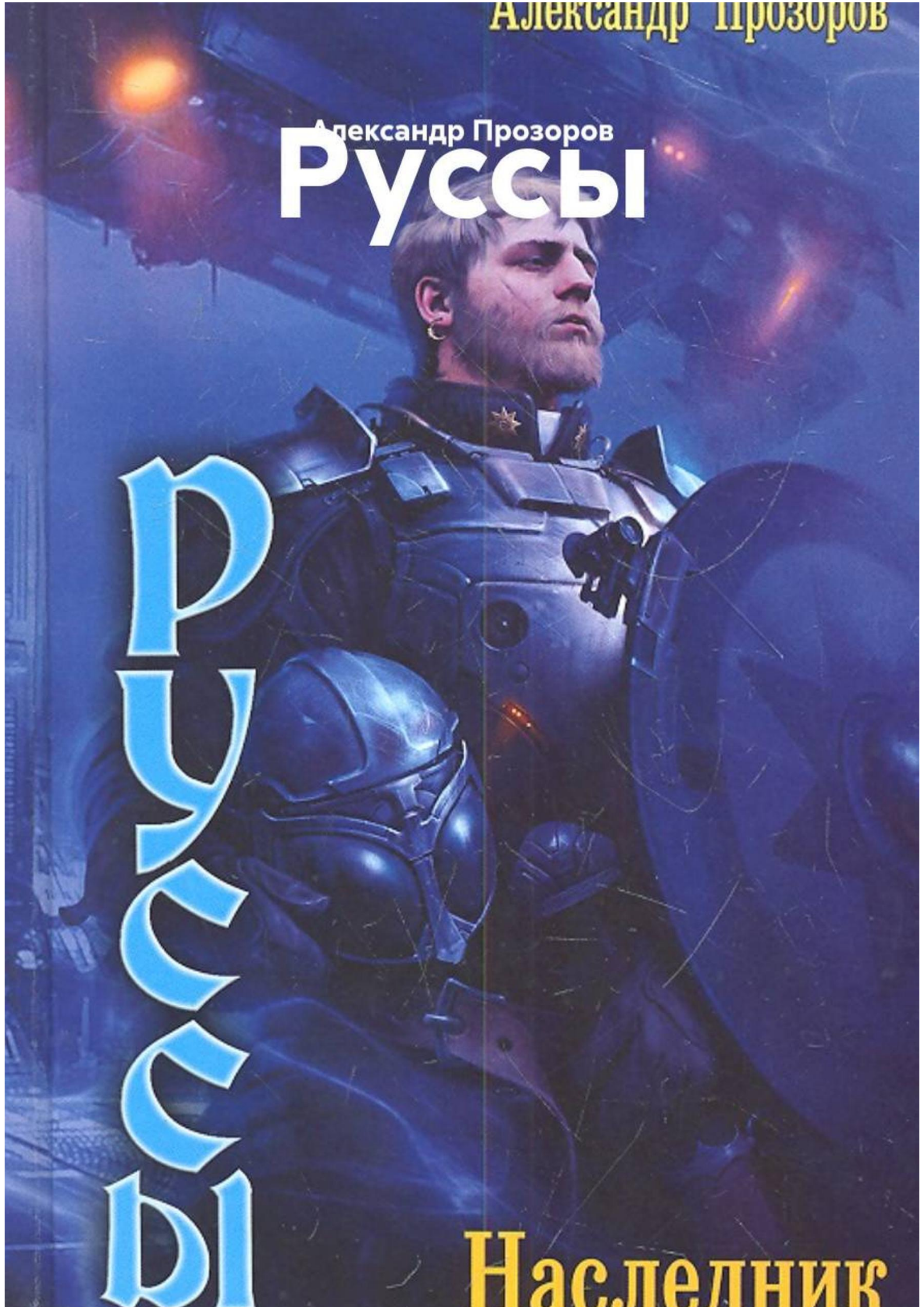
Александр Прозоров

Александр Прозоров

Руссы

Руссы

Наследник

Александр Прозоров

Руссы

2026

Прозоров А. Д.

Руссы / А. Д. Прозоров — 2026

Древняя Русь. Умелая ведьма творит для несчастной сиротки приворотный заговор, который должен найти лучшего в мире жениха и привести его на порог девушки, дабы она наконец-то вышла замуж. Колдовство оказывается на диво успешным — поражая далеко во Вселенной достойного офицера имперского галактического флота и заманивая его на Землю.Впрочем, сам офицер уверен, что прилетел на планету по своей воле — с приказом командования найти наемников для службы, не требующей сложной подготовки. А заключенный с туземкой брак нужен ему только для начального прикрытия.Впрочем, у любви на эту парочку есть совсем другие планы. Равно как и муромская дружина, на которую положил глаз вербовщик, имеет свои интересы на будущее. Да и старая умелая ведьма тоже отнюдь не такая добрая и бескорыстная, каковой хочет казаться...

© Прозоров А. Д., 2026

Содержание

Руссы 6
Ракитов куст 31
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Александр Прозоров
Руссы

Александр Прозоров

Руссы

Книга первая Наследник

Планета « ***коридора*** **»**

В священный час жертвоприношения капище, несмотря на ясный летний день, внезапно заволокло влажным, молочным туманом, — столь густым, что в нем не различался ни близкий частокол стен, ни врата, ни тем более огромный священный вяз, что рос на опричном взгорке над речной излучиной.

Из тумана кисло запахло мочеными яблоками и болотом — запахло настолько резко и неожиданно, что Радогост, седовласый и седобородый, одетый в неизменную серую полотняную рубаху, опоясанную лишь тонким красным шнуром, поторопился вскинуть руку над сложенным хворостом, не прочитав должного заговора.

Однако костер все равно вспыхнул, с жадным потрескиванием набирая силу и выхватывая из марева всех четверых просителей: самого волхва, худощавого и бледного, одетого в простые поршни, грязные и стоптанные, и темные полотняные штаны; старого князя Всеграда, кутающегося в длинную малиновую епанчу из катаной шерсти, княжича Вышемира с непокрытой, бритой наголо головой, безусого и безбородого...

Княжич тоже завернулся в длинный плащ, — но только рыжий, подбитый рысью у ворота и по краям подола. Короткая окладистая борода и усы старшего сына правителя Мурома тоже были рыжими, голубые прищуренные глаза смотрели на огонь с подозрением, а бритая макушка уже начала покрываться коротким жестким «*ежиком*».

Четвертым паломником был Святогор, младший княжич. Такой же широкоплечий, как и брат с отцом, он, в отличие от всех, был в сверкающей кольчуге, надетой поверх длинной, ниже колен, стеганки. Его широкий пояс с медными накладками провисал от тяжелого меча, двух ножей разной длины и внушительного размера поясной сумки. Высокие яловые сапоги были красными, равно как и закрывающий голову подшлемник. Усами и бородой Святогор еще не обзавелся, что, в сочетании с карими глазами, острым носом и тонкими, почти женскими бровями резко отличало его от брата.

Правой рукой княжич удерживал возле себя за узду тонконогого чалого коня, а левой успокаивающе поглаживал его по морде. Однако скакун чуял неладное, часто всхрапывал и нервно топтался, пытаясь отойти в сторону.

— Услышь голос родичей своих дальних, могучий Велес! — торопливо заговорил Радогост, испугавшись, что нарушение заведенного обычая сведет весь обряд к пустой трате времени и сил. — Отзовись на призыв друга верного, что много лет подарки тебе дарил, пиры в твою честь правил, здравицы за тебя кричал! Не единожды руку помощи давал ты князю Всеграду, не оставь его призыва и на этот раз...

Волхв провел рукой над костром, высыпая в пламя щедрую горсть ароматных трав, и тут же втянул ноздрями взметнувшийся сизый дымок.

Болотный смрад отступил, сменившись ароматом полынной пряности и благородным древесным дымом, люди ощутили в телах приятную легкость, и Радогост воодушевленно продолжил:

— Лети, слово мое, за реки, за леса, через горы, через овраги, долетай до моря-океана, до острова Буяна. На острове том лежит бел-могуч Алатырь камень. Ты стучи, слово мое, в камень Алатырь, ты буди, слово мое, радуниц-власяниц. Пусть бегут они к великому Велесу,

пусть поют ему и танцуют, пусть веселят и ласкают. Пусть напомнят великому Велесу о верном друге, пусть зовут его к нашему огню, нашему угощению. Пусть сажают на крепкого коня, пусть погоняют гибкой плетью...

Волхв прислушался к чему-то, неведомому простым смертным, сделал торопливый жест Святогору, подзывая его ближе. Младший княжич подвел коня к огню, Радогост же отступил к старшим идолам, тут же вернулся с чашей. Князь, приносивший жертвы уже не в первый раз, распахнул плащ, вытянул меч, быстрым взмахом снизу вверх глубоко рассек шею скакуна и тут же уронил оружие, едва не чиркнув кончиком клинка по земле.

Покачнулся.

Вышемир подскочил к нему, поддержал отца.

Тот, восстановив равновесие, отер лезвие тряпицей, спрятал клинок обратно в ножны, широко расставил ноги и запахнул епанчу.

Волхв за это время успел смазать губы и лицо идола конской кровью, объясняя, кого нужно привезти, повторил заговор вызова бога, объясняя путь, и только после этого пролил оставшуюся в чаше кровь скакуна в огонь.

Костер в ответ выбросил облако темного дыма, и люди явственно увидели, как оно обрело очертания лошади и помчалось через туманную дымку вверх и в высоту.

Чалый, уже упавший от слабости на утоптанный песок, вздрогнул в последний раз, и замер, расставшись с отправившейся в дальний путь стремительной душой.

— Он услышал нас, — с видимым облегчением кивнул Радогост. — Он поскакал за скотьим богом! На такой зов Велес откликается всегда. Скоро он будет здесь.

Святогор задумчиво посмотрел на прекрасного скакуна, отдавшего свою душу ради послания, посланного к Алатырь-камню. Сердце его остро кольнуло жалостью. Славный был жеребец: игривый, стремительный, крепкий! Но, увы, в этом мире всегда и за все приходится платить... Смерды платят за покой хлебом, воины платят за серебро кровью, князья платят за право власти и серебром, и покоем, и кровью одновременно. Иногда — не своей кровью, а чужой. Ради здоровья отца княжич выбрал сегодня из табуна именно этого скакуна, его кровью расплатился за возможность отправить весть в чертоги далекого бога, его жизнью пожертвовал за отцовскую болезнь, им самим — за ведовской обряд!

Ученики волхва уже зашевелились в тумане, торопясь убрать жертву, засыпать песком кровавое пятно, привести святилище к опрятности до появления княжеского покровителя. Быстрыми неслышными тенями они метнулись к туше, протянули под ней веревки, подняли, унесли.

Еще пара мальчишек суетились с кожаными ведрами, подчищая последние следы.

Костер затрещал, пламя заметалось из стороны в сторону, словно неощутимый людьми ветер попытался его загасить. По бокам от огня среди тумана заметались тени, как бы вылетая из самого очага: взмахнул крыльями ворон, описал над святилищем широкий круг, опустился на частокол; выпрыгнула стремительная рысь, тут же скрывшись за низким Перуном, похожим на пузатый пенек; гулко ухнул филин; не спеша вышел волк, усевшись у идола верховного бога. Следом появился могучий, выше человека в холке, медведь, издалека принюхался к людям, обогнул их и занял место за спинами.

— Идет... — еле слышно предупредил волхв.

И действительно — взметнулось жарким цветком пламя, и из него вырвался всадник, могучий и величественный, в одной лишь косоворотке на развернутых плечах, с длинной узкой бородой, развевающейся от ветра, и столь же длинными, ничем не закрепленными волосами! Одной рукой бог держался за конскую гриву, в другой сжимал посох, в полтора человеческих роста в длину, в руку толщиной, со сверкающим камнем на вершине.

— Прими почтение наше и уважение, могучий Велес, — склонился в низком поклоне Радогост. — Прими благодарность за внимание свое и покровительство. Не из прихоти пустой

потревожили мы покой твой, а из нужды крайней, умом нашим неодолимой. Занемог князь наш, Всеград, сородич твой и друг давний. Все силы свои приложили мы, Велес, дабы избавить его от хвори. В бане отогревали, от лихоманки заговаривали, отварами травными поили. Не хватает мудрости нашей, дабы избавить его от болезней. На тебя одна надежда, всемогущий! Исцели Всеграда, верни ему силу и бодрость, верни огонь в его жилы, верни ясность его взору. Верни здоровье князю нашему, исцели его, сделай прежним воином, славным и непобедимым!

Скотий бог напряг руку, и жеребец захрипел, затанцевал, светящимся силуэтом перебрасываясь то на один, то на другой клуб тумана, всадник же наклонился вперед, внимательно всматриваясь в глаза князя... Пока, наконец, не отпрянул и не ударил посохом в землю!

Святилище отозвалось утробным гулом, и прямо из огня вышла стройная женщина в длинном алом платье с золотым шитьем по подолу. Голову ее украшала черная до пояса коса, лицо же было белым, как снег, и даже губы выделялись лишь тонкой, чуть темнее кожи, полоской.

— Испей зелья, что вернет тебе удаль молодую, друг мой! — указал на нее Велес.

Женщина молча вскинула к груди ладони, и в них вдруг невесть откуда оказалась овальная костяная чаша с тонким светящимся ободком.

Князь Всеград качнулся, — но все же смог удержать равновесие без посторонней помощи. Протянул руку, принимая драгоценный сосуд, поднес к губам, осушил большими глотками и перевернул, показывая всем, что внутри не осталось ни капли. Вернул чашу владелице, с некоторым удивлением провожая собственную руку взглядом. Потом внезапно рывком скинул на землю епанчу, выхватил меч, легко описал им в воздухе несколько сверкающих кругов, перебросил из ладони в ладонь, довольно захохотал и вернул в ножны:

— Твое лекарство невероятно, великий Велес! — воскликнул князь. — Уже много лет я не ощущал себя таким бодрым и сильным! Я легок и бодр, словно юный отрок в первом походе!

— Так идем же со мной, друг мой, — кивнул ему скотий бог. — Я покажу тебе земли, где славный воин сможет вдосталь насладиться своей удалью. Идем!

Жеребец встал на дыбы, одним скачком прыгнул в пламя — и весь без остатка там утонул!

Следом в огонь вошли волк и рысь, туда же спорхнули ворон с филином, величаво прошествовал в очаг медведь.

Женщина протянула Всеграду ладонь, сжала руку князя и величаво прошествовала в самый жар.

Исцелившийся воин с невероятным для смертного спокойствием шагнул вслед за ней — и огонь внезапно схлопнулся, превратился в язычок сизого дыма, умчавшийся к зениту, к открывшейся в небесах голубизне!

А вместе с ним исчез и туман. Мгновенно, словно никогда и не было!

И уже снова мелькали в вышине ласточки, снова пахло из-за ограды сладким липовым цветом, стрекотали кузнечики и затекала на усыпанный песком взгорок полуденная жара...

Волхв сложил перед лицом ладони и смиренно склонил голову.

— И что теперь? — не понял Вышемир. — Где отец?!

— Отец!!!

Святогор первый понял, что князь вовсе не ушел в пламя вслед за богами и их священными зверьми, а остался здесь, на земле, распластавшись между Купалой и Колядом, за спиной старшего княжича.

Воин упал возле Всеграда на колени, приподнял его голову, приник ухом к груди, все еще надеясь уловить дыхание или хотя бы слабое биение сердца.

— Он ушел, княже, — тихо сказал ему Радогост. — Велес исцелил недуги отца твоего всесильной чашей ночной Мары и забрал туда, где все воины вечно здоровы, удалы и веселы. Князь заслужил право на беззаботный отдых от земных тягот! Он был истинным русичем,

достойным внуком Сварога. Ныне он уже в Золотом мире обнимает своих отцов и дедов, пускает по общему кругу хмельную братчину. Он ушел...

— Отец! — Святогор, внимая словам волхва, осторожно опустил мертвую голову князя на песок, немного задержал ладонь у него на груди, потом закрыл усопшему глаза. После короткого колебания провел рукой вниз, расстегнул пряжку, вытянул ремень с оружием, положил возле себя, запахнул епанчу, заворачивая Всеграда в плащ. Выпрямился, удерживая отцовское оружие за ножны.

Братья замерли друг против друга, молча глядя глаза в глаза, и даже Радогост в эти мгновения затаил дыхание...

Колебание длилось, наверное, целую вечность, пока Святогор, стиснув зубы, не преклонил вдруг колено. Он опустил голову и обеими руками вскинул вверх пояс отца:

— Отныне это твой меч, Вышемир, князь муромский!

— Брат! — Вышемир, не принимая оружия, поднял Святогора и крепко обнял, прижимая к себе. — Брат, брат мой. Для меня ты всегда останешься братом!

Волхв облегченно перевел дух и даже поцеловал заговоренную ладанку, висящую у него на шее на тоненьком ремешке.

Обошлось...

* * *

Тем же самым временем, всего в двух днях пешего пути от святилища, в густом еловом лесу, в небольшом жердяном домике возле ручья, две женщины тоже занимались чародейством.

Правда, со стороны догадаться об этом было невозможно — ибо одна, молодая зеленоглазая девушка в простеньком и поношенном сарафане, сидя возле ткацкого станка, всего лишь перебрасывала при свете масляной лампы из руки в руку челнок с тончайшей куделью, набивая легкую ленточку в ладонь шириной, а вторая, уже совсем старая и морщинистая, одетая в кофту и несколько полотняных и шерстяных юбок одна поверх другой, старательно лущила колотушкой сухие стебли крапивы.

Однако, если прислушаться к бормотанию старухи, можно было разобрать очень интересные советы.

— Родовая порча, она штука серьезная, — причмокивая и пришепетывая, рассказывала знахарка, — но при желании и терпении справиться можно и с ней! Токмо сотворить сие выйдет не так просто. Ленточек таковых сразу две надобны будут. Их в разные цвета соком ягодным придется окрасить. Они просительнице в волосы вплетаются и носятся никак не менее, нежели половину луны не снимая. По окончании срока девице с проклятием родовым пойти к реке следует и найти растущую недалеко от воды осину. В том месте, опустившись на колени, пусть умоется, нашептывая: «Сова умна, днем слепа, из ночи прилетела, на солнце угорела. На ветвях сиди, меня сторожи. Я тут на день, и на ночь, и до крайнего срока, отныне, присно и во веки веков...»

Старуха стряхнула получившуюся волосяную кисть, отложила в сторону, вынула из толстого снопа еще несколько стеблей и продолжила:

— Обряд сей завершив, пусть идет к избранному дереву, ленты свои снимет, свяжет узлом и вплетет в ветки, наговаривая: «Осина, осина, забери себе ленту, с девичьей косы, с чистой души, с белого тела, с родовой крови. Будь красива-прелестна, для демона невеста». Опосля опять к реке, мыться и шептать: «Ты, вода, текла из-за гор, по полям, лесам, лугам широким. Под небом синим, в ночи черной. В тепле грелась, в холоде мерзла, черноту снимала, красоту открывала. Забери, вода, чужое-наносное, глаз черный, слово злое, судьбину горькую, слезы неплаканные. Отныне, присно и во веки веков!».

Знахарка распрямилась, повела плечами, горько простонала:

— Тяжко как мне уже в этой-то плоти! Когда же Мара чашу мою наполнит, глоток последний поднесет? Ни мед, ни горчица костям ужо совсем не помогают! А твои сестренки-то где? На кого оставила?

— Грибы недалече собирают, — отозвалась ее гостья. — Грибы, они ведь мясистые. Ввечеру суп с репой сварю, сытыми ляжем. Ныне год грибной. И покушать вдосталь получается, и на зиму насушить.

— И Пленка тоже сбирает?

— Даже лучше Чаруши! — усмехнулась девушка. — Та живая. И поиграться ей хочется, и побегать. А Пленке что скажешь, то и делает, пока не остановишь... Нечто и правда избавления от ее недуга не найти?!

— На изгнание лихоманок и ломок всяких лучший заговор, это на «волосатика», — вздохнула старая ведьма. — Ну, тебя я ему ужо учила. Сильнее оного нет! Коли не помог, стало быть, нету от недуга спасения... Иные, мыслю, планы у богов на твою сестру. Порушить их тебе не удастся.

— А на меня какие?

— На всех разные, — снова взялась за колотуху ведьма. — Я вот мыслю силу свою тебе передать, и покой обрести долгожданный. Радуница твоя, полагаю, желает тебе мужа хорошего и детишек побольше. Боги же могут и славы великой тебе пожелать, звания княжеского и богатства великого. Да токмо помочь тебе им ныне недосуг!

— Так недосуг, что я в старых девках осталась? — возмутилась девушка.

— Зато знахаркой получишься умелой! Учение мое тебе легко достается. Скоро и сама исцелять, отсушивать и привораживать научишься.

— Не помогает что-то сие учение суженого для меня найти!

— Так ведь для великого успеха и силу надобно приложить великую, умница моя! Вот сама подумай, у кого рана быстрее закроется? У того, кто Карачуна проклянет и махнет рукой на свое кровотечение, али у того, кто водицей омоет и тертым желтоголовиком засыплет, али у того, кто мхом закроет и заговор целебный нашепчет? Как полагаешь? От раны очень похожей кто-то может и вовсе руки или ноги лишиться, а у иного даже шрама не останется! И кому как жить, токмо от тебя, знахарка, зависит...

— Где же взять мне силу для такого заклинания, что мужа мне сможет найти, баба Ягода? — не дала увести разговор от своей беды ученица.

— Копить, милая, копить, — усмехнулась ведьма. — Росу полнолунную с одолень-травы собирать, клыки медвежьи в настоях папоротниковых вымачивать, кровь девственную искать, заговоры на зелье каждый вечер начитывать. Чтобы намоленное стояло, накопленное, неодолимое! Чтобы оно саму судьбу могло переломить, а не просто к утехам плотским склонить, мужнюю жену из памяти выветрить, сердце горячее охолонить! Привороты-отвороты, грыжа-лихоманка, сглазы, следы: сие все есть ведовство простое, в любой миг доступное. Для перелома судьбы чародейство могучим, как топор-колун, быть должно! А топор, сама знаешь, поперва из жижи болотной надобно накопать, опосля в кринице пережечь, молотом проковать, в огне горна закалить. Так и здесь выходит...

— Росу полнолунную... — прошептала ученица. — Сколько же лет зелье сие копить надобно?

— Много... Очень много лет, — ответила старуха.

— Ты копила! — мгновенно догадалась молодая женщина. — Это зелье у тебя есть!

— Пока молода была, испытать желала, — криво усмехнулась ведьма. — Но годы меня перехитрили... Пока накопила, пока наговорила, пока изготовила, так уж и сама поняла, что поздно мне о кусте ракитовом мечтать! Не та ужо стала, чтобы с княжичем юным на пиру гулять, детей рожать, сыновей растить. Опоздала...

— Бабушка Ягода, — сглотнув, прошептала ученица. — Отдай его мне!

— Экая ты быстрая... — оскалилась ведьма, стуча колотухой. — Сама понять должна, сколь велика цена такому зелью! Другого, мыслю, на всей земле русской не сыскать! Пусть лучше на полке стоит, цены достойной ждет... Дабы не так обидно было за силы на него потерянные.

— Отдай его мне, бабушка! — взмолилась девушка. — Я для тебя... Я все, что угодно!

— А что с тебя взять-то, сироты? — пожала плечами старуха. — Тебе, окромя юности, да тоски, и расплатиться нечем.

— Все! Все, что угодно! — горячо пообещала ученица.

— Тоска в нашем мире никому не нужна. А юность... — колдунья слегка пожала плечами. — Что за прок в муже, да без юности?

— Ты же мудрая, бабушка Ягода, — присела перед старухой на корточки ученица. — Ты умнее всех! Ты самая лучшая! Я знаю, ты придумаешь... Ты знаешь, как беду мою разрешить и самой без обиды остаться! Ты только скажи, намекни хотя бы. Я на все, на все согласна!

— На все, сказываешь? — усомнилась ведьма.

— Да, бабушка! — ощутила слабину молодая женщина. — Что угодно, только пожелай! Кровь всю свою тебе отдам, волосы, голос!

— Мужа пожалей, — крякнула знахарка. — На что ты ему без крови, голоса и волос?

— Бабушка Ягода, милая моя... Скажи же, что сделать для тебя могу?!

— Сама-то чего просишь? — поинтересовалась в ответ ведьма.

— Мужа хочу хорошего! Красивого, богатого, сильного.

— Смотри, не прогадай... — покачала головой ведьма.

— Хочу лучшего мужа на всей земле! — жадно выдохнула ученица.

— Можно и лучшего, — согласилась старуха. — Какого пожелаешь, такого и получишь. Хочешь лучшего? Будет тебе лучший! В слове своем уверена?

— Конечно! — не поняла странного намека молодая ученица.

— Ну, коли об этом уговорились, тогда тебе плату назову...

Ведьма поднялась, пробежала пальцами по висящим на стене березовым туескам, сняла один, открыла, вытянула на падающий из раскрытой двери свет костяную ладанку на тонком сыромятном ремешке. Открыла, осторожно вытряхнула на ладонь ослепительно белый бутон, похожий на бутон сирени, на длинной, с половину мизинца, зеленой ножке.

— Что это? — вытянула шею девушка.

— Цветок папоротника, — ответила ведьма. — Теперь слушай цену мою за зелье мое приворотное. Я хочу, чтобы ты в тот час, когда наконец-то ощутишь себя счастливой, втыкала его к себе в волосы.

— И что тогда случится?

— Он будет у тебя в волосах.

— А зачем?

— Это будет твоей платой за чары, которые привлекут к тебе мужа... — улыбнулась, любуясь цветком, ведьма. — Вот только сама не знаю, как это случится? Может статься, наткнется на тебя в саду юный князь и возжелает невероятной страстью! Либо тебя похитят, доставят к некоему властелину, и он, очарованный твоей красотой, сделает тебя своей женой. Или ты увидишь какого-то красавца, в отчаянии прижмешь нож к его горлу и потребуешь, чтобы он на тебе женился, и он вдруг согласится. Не знаю как, но заклинание приведет суженого к тебе или тебя к нему. Вы станете мужем и женой, и он будет самым лучшим мужем на земле и на небе. Ты согласна?

— Да, — не стала больше препираться ученица.

— Поклянись!

— Клянусь!

— Нет, этого мало, — поморщилась старуха. — Ты должна поклясться тем, что для тебя дороже всего, чем не пожертвуешь ни за что, даже если тебе очень захочешь нарушить обещание...

— Жизнью? Здоровьем? Сестрами?

Ведьма молчала, погрузившись в размышления, пока, наконец, не догадалась:

— Поклянись мне покоем матери... — пробормотала она. — Согласна?

— Да!

— Протяни руку... — знахарка положила цветок на ее ладонь, накрыла сверху своей, крепко сжала пальцы: — Смотри мне в глаза и повторяй: клянусь покоем своей матери, что каждый миг и час, когда стану чувствовать себя счастливой за своим мужем, буду вставлять сей цветок себе в волосы.

— Клянусь покоем своей матери, что каждый миг и час... — послушно повторила ученица, глядя в черные провалы глаз старухи, и неприятный холодок пробежал по ее коже, взъерошил волосы, забрался в ноздри.

— Хорошо...

Ведьма разжала пальцы, забрала цветок, ничуть не пострадавший несмотря на приложенную к нему силу, заныкала бутон в ладанку, которую убрала обратно в туесок.

— Ты не дашь его мне? — удивилась женщина. — Как же я буду его в волосы вставлять?!

— Ценность больно большая, как бы не потеряла, — ответила старуха. — Вот как замуж выйдешь, сразу прибегай. Тогда и отдам. Теперича раздевайся.

— Зачем?

— Зелье сие не пить надобно, а руны им на теле начертать, жертву твою манящие. Впитаются, следа не оставив, не опасайся! Но дело свое сделают. Сие верно, как восход Хорса утренний, как гнев Карачуна зимний, как жар Ярила весенний.

Ученица разделась. Старуха же, порывшись средь туесков, нашла блестящий от воска глиняный пузырек и предупредила:

— Ныне же молчи! Одним разом все руны надобно нанести, и чтобы зелья на все хватило, но и лишней капли ни одной не осталось. При сем мне еще и чары надобно наговаривать, силу в зелье пробуждающие. Молчи и не шевелись!

Женщина замерла, слегка расставив руки, и ведьма, рисуя прямо пальцем по белой нежной коже, начиная от шеи вниз, распевно заговорила:

— Жару Ярилову, суду Ниеву, Ладанной ласке, Полельной песне в час сей поклон шлем об общей судьбе, общей плоти, общем доме, общих детях, общем бытие. В ночи и дне, на темноте и свете, в горе и радости, на людях и наедине. От ночи сладкой до реки смоляной, от слова булатного до молчания последнего. Летите, поклоны наши, через овраги глубокие, через реки широкие, через густые дубравы, через высокие горы, через звездные небеса, ищите для сей дщери мужа богатого, сильного и красивого, что преданным для нее навеки станет как в жизни земной, так и потом в жизни небесной, навеки вечные и до скончания веков. Летите поклоны наши через земли и горы, через ветра и воды, через дни и ночи, чрез пещеры и небеса! Найдите мужа сего, возьмите над ним волю свою и приведите к порогу сей заклятой девицы...

* * *

Аккурат в эти самые мгновения примерно в двухстах астрономических единицах от Земли, в двадцати градусах от плоскости эклиптики, вспыхнула новая звезда. Звезда, яркая, как Солнце — хотя и не такая плотная, ибо это был всего лишь тормозной шар малого десантного транспорта, сбрасывающего скорость перед входом в орбитальную систему.

Как всем хорошо известно, в космическом вакууме ничто не тормозит даже мчащийся на гиперсветовых скоростях корабль. Однако редкие, всего один атом на куб пространства,

частицы при этом набирают такую энергию, что свинцовая чушка на скорости в сотню световых плавится, закипает и испаряется настолько быстро, что даже чихнуть не успеешь!

И мало того, что встречные молекулы греют звездолеты, как микроволновка — так они ведь еще и прошивают любой корпус буквально насквозь, разбивая все атомы на своем пути, и превращая их осколки в жесткое излучение!

Вернее было бы, конечно, сказать, что это корабль разгоняется относительно покоящихся в холодной пустоте частиц — но сути это нисколько не меняет. Для самого банального выживания в сверхсветовом полете каждому кораблю приходится нести перед собой маршевый плазменный клин, ионизирующий встречный поток нейтрального газа, а следом — магнитный дефлектор, отводящий уже ионизированную плазму по сторонам от главного корпуса.

Причем оба вместе эти устройства сжирают почти две трети от мощности реактора!

Но имелось у плазменно-магнитной защитной системы одно несомненное достоинство. При переключении полярности — она уже не раздвигала поток частиц перед собой, а начинала его собирать, сгребать, упираться в него, как в подушку, быстро и плавно тормозиться, передавая накопленную кораблем скорость собранному облаку, уплотняя его и раскаляя, заставляя сиять подобно звезде в безуспешном старании рассеять полученную от транспортника гигантскую энергию.

Если бы в эти часы на небо взглянул знающий звездочет, он безо всякого сомнения предрек бы Земле в ближайшие месяцы большие и нежданные перемены, возвышение людей малых и падение великих! Перемены судеб, назначенных звездами ранее и сплетение нитей жизни для всех, кого раньше вовсе не ждали никакие приключения.

Но, увы, к небу в сей день и час никто головы не поднимал.

А кто поднимал — не особо разбирался в ночных созвездиях, и ничуть не удивился тому, как одна из самых ярких звезд внезапно ощутимо раздулась, при этом постепенно тускнея, приобрела сперва голубоватый, потом алый, затем красный цвет, после чего быстро поблекла и исчезла окончательно...

Это были те самые минуты, когда честолюбивый Ротгкхон, лежа в мягком декомпрессионном кресле, наконец-то смог отвернуться от панелей с индикаторами плотности плазмы, напряжённости поля, теплового потока и расхода массы и взглянуть, пусть и через экран, а не через иллюминатор, на скромного желтого карлика, сияющего на задворках давно умершей империи «*мокрушников*» — прозванной так, естественно, ее бывшими недругами.

И сама империя, и ее недруги уже давно сгинули во мраке истории, уступив место более молодым и активным государствам, республикам, епископствам и державам — однако обидная кличка, похоже, прилипла к третьему галактическому рукаву навечно.

Или не обидная? Ведь и сам Ротгкхон тоже принадлежал к расе «*мокрушников*»! Однако никакого дискомфорта от данного факта не испытывал.

— Плотность звезды нормальная, — прошептал пилот. — Одиночная, масса ноль восемь стандарта, светимость один-один. Это «коридор». Цвет в «коридоре», угловой момент в «коридоре»... Ну же, во имя девяти друидов! Водород, водород, водород... девяносто пять! Есть! «Коридор» среднего класса! «Живая система»! — и он уже во весь голос решительно распорядился: — Борт, сигнал штабу: «Вербовщик семнадцать третьей смены «живую систему» подтвердил! Начинаю разведку». Добавь координаты звезды к сообщению.

— Команда исполнена, — подтвердил транспорт. — Приступаю к тестированию систем курсовой обороны.

Космический корабль был боевым и отлично знал об опасностях звездных систем «*коридора*» без дополнительных напоминаний.

Огромный космос, при всем своем разнообразии, во всех, даже самых далеких уголках подчиняется одним и тем же физическим законам. Эти законы всегда и неизменно скручивают облака межзвездного водорода массой от половины до двух «*стандартов*» в плоские нибулы,

которые теряют момент вращения, сбрасывая его в газопылевые диски переменного состава. Из-за разницы в химическом составе, диски всегда распадаются на неизменные одиннадцать планет, из которых с той же неизбежностью три всегда взрываются. Сперва две самые далекие от звезды, внешние, фиксируя для ученых начальный этап развития «*живой системы*», а для путешественников — опасность столкновения с мелкими ледяными астероидами; а затем одна внутренняя, пятая — разрушение которой отмечает середину цикла звездного развития.

Но самым важным для союзов, империй, диктатур и республик было то, что уже с начального этапа развития всех желтых карликов «*коридора*» на третьей планете возникают достаточно комфортные условия развития белковых организмов. Почти сразу после появления такой планеты на нее неизменно попадает хоть одна бактерия, споры которых носятся в космосе в неисчислимых количествах, и вскоре следует буйный взрыв жизненного развития!

Именно поэтому желтые карлики «*коридора*» всегда были предметом напряженного поиска астрономов, главной ценностью галактических карт и важнейшей составляющей навигации. Разумеется, не потому, что ученые стремились исследовать их всех до единого — на это не хватило времени и сил еще ни у одной империи или республики! Желтые карлики «*маршрута*» вводились в память спасательных капсул космических кораблей, чтобы в случае аварии экипажи и пассажиры выбрасывались именно на эти координаты, к ближайшему «*карлику*» — туда, где есть достаточно высокая вероятность выжить.

Разумеется, случались и накладки. Иногда протооблако звезды оказывалось не водородным — и тогда планеты формировались хаотично, были безводными и бескислородными. Иногда на стадии формирования системы в нее забредала блуждающая планета и, калеча своей гравитацией чистоту протодиска, превращала звезду в безжизненного, беспланетного «*двойника*».

Однако найденный Ротгкхоном карлик состоял из водорода и не имел никаких отклонений ни по плотности, ни по орбите. То есть — был самым настоящим, чистокровным «*коридором*»!

Коридором жизни...

— Зафиксирован внутренний пояс астероидов, — по голосовой связи сообщил корабль. — Тест систем закончен. К бою готовы.

— Дозаправка нужна? — на всякий случай поинтересовался Ротгкхон.

— Заполненность баков охладителя ноль восемь, — ответил борт.

В качестве рабочего вещества для охлаждения дюз годилось, в принципе, любое вещество с температурой плавления выше единицы, и внешний астероидный пояс звезды «*коридора*» для пополнения запасов был бы для этого наиболее удобен. Здесь всегда с избытком хватало ледяных астероидов из азота, метана и воды — просто лови, да в бак запихивай!

Посторонний хлам в составе, разумеется, неизбежен — но фильтры его потом аккуратно вычистят.

— Сигнал из штаба пилоту, — сообщил транспортник. — «Сообщение признано важным. Ваше задание особо актуально. Повторяю: особо актуально!».

— С одной стороны, это радует, — вздохнул Ротгкхон, закрывая глаза. — Похоже, армия Империи добилась очередного успеха в битвах с союзами республиканского сопротивления! Власть Наследника признал очередной десяток планет и жаждет возможности насладиться благами равноправия. С другой: отдуваться за эту удачу придется нам, вербовщикам! Что же, пускай... Коли штабу невтерпеж, сэкономим для них немного времени на ловле ледышек. Наличных «ноль восьми» нам хватит еще для нескольких полетов. Передай штабу: «Начинаю глубокую разведку».

— Сигнал отправлен. Приступаю к стабилизации траектории.

Предупредив пилота, космический корабль снял напряжение с плазмогенератора и довернул его пластинчатый нос вперед, нацелившись острием рассекателя на совсем уже близкую звезду.

Локатор курсового обзора выстрелил белым световым импульсом, дающим в вакууме наилучшую отражающую способность.

Пространство впереди было чистым. Отозвавшиеся цветными искорками астероиды оказались слишком далеки, чтобы представлять опасность.

Новая вспышка, потом еще, еще...

И вдруг белая подсветка сменилась нежно-голубой: нестерпимым для глаз всеполостным энергетическим импульсом! Две голубых искры — два астероида на удалении нескольких световых мгновений рассеялись в пар, а уцелевшие мелкие осколки превратились в безопасные брызги, столкнувшись с натянутым от рассекателя к бортам микроволновым полем.

Еще одна искра — и транспорт вошел в безопасное внутреннее пространство звезды. Он тут же развернулся — и опять перешел в режим торможения, снижая скорость с двух десятых световых до оптимальных для разведки пяти сотых.

— Внутренний пояс, — предупредил пилота транспорт. — Стабилизация траектории.

Разумеется, при неторопливом движении на межпланетных скоростях корабль вполне мог просчитывать орбиты замеченных астероидов относительно себя даже в условиях переменного ускорения, но заниматься этим без особой необходимости транспорт не хотел. Лениться, как известно, умеют не только разумные существа, но и достаточно сложные вычислители.

Впрочем, опасных космических объектов на пути звездолета все равно не встретилось.

— Местоположение планеты параметра «коридор» обнаружено, — сообщил пилоту борт. — Выход на орбиту через одиннадцать часов.

— Специально прикинул, чтобы я выспаться успел? — улыбнулся Ротгкхон. — Что же, тогда спасибо, приятель! Воспользуюсь. Теперь мне очень долго будет не до отдыха...

* * *

Славный князь Всеград отправился в свой последний путь от ворот Мурома с обширного утоптанного пустыря, на котором обычно собираются окрестные смерды в ожидании открытия ворот, либо останавливаются на ночлег путники, припозднившиеся к закрытию города.

Ладья правителя была поставлена здесь на толстые дубовые чурбаки и глубоко погрузилась в охапки хвороста, сложенные под килем. На поднятой мачте полоскался на ветру парус с красным крестом — древним амулетом путешественников, — палуба и скамьи были выстелены коврами, заставлены бочонками с вином и медом, завалены караваями хлеба, жирными окороками и обледенелыми куриными полтями из погребов. Всем тем, чем князю предстояло угощать своих родичей, друзей и верных воинов, ушедших в золотой мир раньше него!

Неподалеку от ладьи стояли длинные ряды столь же щедро накрытых столов. Возле них все еще хлопотали дворовые девки и служки, постоянно поднося из погребов и от детинца всё новые и новые блюда с угощениями, миски, бочонки и кувшины.

Они еще выставляли последние ковши, выкладывали на подносы соленые огурцы, длинные перья лука, моченые яблоки — когда из города послышался многоголосый женский плач, быстро становящийся все громче и громче.

Засуетившись, дворня торопливо закончила работу и ушла от стола в сторону реки — вдоль рва, вырытого под высокой, рубленной клетями деревянной стеной.

Плач же достиг ворот. Дружинники вынесли на подъемный мост князя Всеграда, восседающего в дорогом облачении на кресле, с помощью двух слег превращенном в носилки.

Четверо ратников в красных плащах поверх кольчуг, в алых сафьяновых сапогах и островерхих шлемах — несли почившего правителя. Позади шагали оба княжича, простоволосые, одетые в скромные одежды: рубахи и шаровары, заправленные в обычные поршни.

Остальные воины показную смиренность не демонстрировали, но тоже были с непокрытыми головами и без брони — хотя, конечно же, остались при оружии.

Кресло правителя города поставили во главе стола, вытащили из-под него слеги. Сыновья остановились за спиной отца, остальные воины собрались на пустыре сбоку.

Последними из города вышли волхвы: Радогост, повесивший голову и задумчиво перебирающий четки, за ним еще двое опытных служителей богов, возраст которых выдавали седые волосы. Также вышло несколько молодых ребят, тоже в перетянутых тонкими шнурами рубахах, — но бритых наголо, безусых и безбородых. Двое из них несли за широкие ручки огромную медную братчину.

Плакальщицы остались в Муроме — для женщин на мужской тризне места не полагалось!

Братчину ученики волхвов водрузили на стол перед князем. К ней подступил Радогост, трижды провел кругом над ней ладанкой с древними амулетами:

— Не быть в сосуде сем дурным мыслям и злым помыслам, быть в нем токмо чести, славе и единения, — проговорил он, — силами Хорса и Белбога, словом Свароговым, рукой Марьиной, волей Триглавы заклинаю тебя от чужой силы, черного духа, дурного глаза и кривой лихоманки! Быть тебе сосудом храбрости и единокровия!

По его знаку ученики споро наполнили братчину ставленым хмельным медом из дубовых бочонков, отступили. Радогост поднял княжескую руку, ненадолго прикоснулся ею к одной из ручек, вернул обратно на подлокотник, повернулся к воинам:

— Князь пред дальней дорогой за службу верную вас благодарит, храбрые витязи, храбрости неизменной и здравия вам желает. Испейте с ним последнюю братчину, верные воины!

Волхв отступил, его место занял Вышемир, взялся за огромную чашу:

— Ты был лучшим примером для нас, отец. О твоей храбрости и мудрости гусляры станут слагать былины веками. Пусть твой новый дом станет лучше прежнего...

Он напрягся, с видимым усилием оторвал братчину от стола, сделал глоток, поставил обратно.

— Спасибо за учение, отец! — кивнул Святогор. — Я постараюсь достойно нести звание твоего сына.

Он так же отпил и уступил место у чаши старому Дубыне, служившему Муромскому князю еще до рождения княжичей.

— Доброго пути тебе, друже, — крякнул воевода, берясь за чашу. — Присмотри там и для меня местечко. Мыслю, скоро и моя пора настанет...

Так, по кругу, из рук в руки, братчина и прошла от дружинника к дружиннику, от одного воина к другому, от умудренных опытом воевод до последнего новика, всего месяц назад приехавшего из стольной Русы искать славы в южном порубежье.

Однако, поскольку каждый ратник делал всего лишь по маленькому глотку, братчина завершила свой круг изрядно полегчавшей, но не пустой. Радогост снова коснулся рукой князя рукояти огромной чаши, сказал:

— Здравницу князь провозглашает своей дружине! — и отступил.

— Спасибо, отец! — Вышемир уже с легкостью поднял сосуд, немного отпил, передал братчину младшему брату.

Тот тоже кивнул:

— Не забывай нас, отец! Не оставляй своей поддержкой и вниманием. — Отпил, передал дальше.

После недолгого путешествия громадный кубок остался в руках боярина Гродислава — именно он и сделал последний глоток.

Дружинник отнес братчину во главу стола и поставил перед князем.

Радогост кивнул. Его ученики поднесли и наложили на борт ладьи сходни. Четверо оружных воинов снова взялись за кресло, взнесли его на судно, поставили перед мачтой. Следом за ними поднялся волхв, склонился к уху почившего правителя и, чувствуя себя полным дураком, стал рассказывать Всеграду, как правильно найти дорогу в Золотой мир, какие на пути мертвого могут встретиться ловушки, как пересечь Калинов мост, где можно отдохнуть, а где не стоит задерживаться.

Разумеется, глупо объяснять все это тому, кого на глазах всего святилища призвал сам могучий Велес, кого увела за руку повелительница Мара! Князь уже давным-давно восседал по одесную от скотьего бога, среди славных предков и побратимов... Однако обычай есть обычай, и отступать от него даже ради здравомыслия Радогост не хотел!

Наконец волхв выпрямился, сошел вниз.

Ученики тут же убрали сходни.

Боярин Гродислав, коего для сей последней службы избрала дружинная братчина, расстегнул поясную сумку, вынул огниво, трут, ломтик бересты. Высек искру, раздул, запалил полоску коры, поднес ее к факелу, скрученному из вымоченного в горячем бараньем жире рогоза.

Тот быстро и жарко разгорелся.

Воин подошел к ладье, отвесил бывшему повелителю низкий поклон:

— Прощай, княже... — и пошел вокруг корабля, через каждые два-три шага запаливая хворост.

Когда он вернулся к остальным дружинникам, погребальный костер уже полыхал, выбрасывая языки пламени выше крепостной стены и превращая последние дары, угощение для мертвых, сокровища князя и его самого в густой черный дым, уходящий в небеса длинным и широким, черным сальным языком!

* * *

— Есть контраст! — доложил пилоту транспорт.

— Что там? — переспросил Ротгкхон, допивая в пищевом отсеке фруктовую мешанину, именуемую в каталоге как «*сок густой, аналоговый*».

Ничего натурального этот напиток, понятно, и близко не напоминал, — но на вкус вербовщику нравился. Сладко-кислый, с желтой мякотью, хорошо утоляет жажду. Чего еще от синтетического сока требуется?

— При сканировании планеты в атмосфере обнаружено вытянутое черное пятно с тепловой точкой у основания, — отчитался бортовой вычислитель.

— Типа «костер»? — усмехнулся пилот.

— Очень крупный. Очаг локальный, стихийным пожаром не является.

— Хочешь сказать, нам уже повезло? Дай картинку!

Ротгкхон сел к столу и отставил опустевший стакан.

Над столешницей появилась полусфера медленно катящейся влево зеленой поверхности, изрезанной реками, озерами, мысами и морями. В одном месте на фоне густой зелени и вправду просматривалось одинокое черное пятно, узкое с одной стороны и размытое с другой.

— Дай картинку на основание облака!

Изображение прыгнуло вперед, сконцентрировавшись в указанной точке. Ротгкхон оценивающе склонил голову:

— Интересный паучок проглядывается! Овал с линиями внутри и расходящимися полосками снаружи. Похоже на город с прилегающими дорогами. Как считаешь?

— Вероятность высока, — согласился транспорт.

— Вот и я так думаю... Выводи оптику на предел и стабилизируй для накопления резкости! Хочу подробную картинку.

— Выполняю, — согласился корабль.

Пилот, отвернувшись, прицелился стаканом в лючок утилизатора, метнул — но промахнулся. Сходил за стаканом, вернулся на место, метнул снова — и опять не туда. Не поленился сходить еще раз, и с третьей попытки попал-таки в цель.

— Что у нас с накоплением контрастности? — поинтересовался он.

— Это город. Период начальной цивилизации.

— Уверен? — Ротгкхон крутанулся лицом к столу. — Слишком уж нам сегодня с тобою везет! Когда все с самого начала происходит слишком гладко, потом неизменно обнаруживаются различные неприятные сюрпризы...

Вместо ответа транспорт увеличил резкость картинки, и вербовщик уже своими глазами смог увидеть простейшие неровные укрепления, которые имели смысл только до возникновения огнестрельных и таранных боевых систем, огромное количество лодочек с гребным и парусным оснащением при полном отсутствии чего-то более солидного, и множество небольших домиков без единого признака крупных жилых комплексов.

— Да, ты прав, приятель, — кивнул пилот. — Чистейший начальный период! Обитатели?

— Нет стабильных объектов для накопления резкости.

— Ну да, само собой. Живые объекты стабильными не бывают, а мертвые нам без надобности... — Ротгкхон почесал в затылке. — Ладно, будем надеяться на удачу! В худшем случае я просто вернусь с полезными данными. Готовь посадочный модуль и отправь в штаб сигнал о высадке, чтобы зря не дергали. На связь выйду по готовности.

— Сигнал отправлен! Модуль тестируется.

— Тогда туши свет. Пока дойду до среднего модуля, тестирование как раз завершится.

Вскоре от зависшей на высокой орбите темной громадины оторвался небольшой птенчик, похожий на каплю воды, но только с крылышками и вертикальным стабилизатором на хвосте, стремительно рухнул на планету и вскоре, чиркнув огненным метеором по верхним слоям воздуха, вошел в атмосферу.

Посадочные модули десантных транспортов использовались для полетов довольно часто, а потому конструкторы не стали жертвовать их аэродинамикой ни ради компактности, ни ради уменьшения массы. Эти аппараты летали лучше любых птиц и вполне могли в режиме планирования обогнуть половину планеты, ни разу не включив двигатель.

Но на этот раз от Ротгкхона подобного подвига не требовалось. Еще во время высотного прохода он наметил несколько водоемов, вполне достаточных по размеру для посадки, но без следов строений по берегам. К ним и направился.

Однако перед приземлением вербовщик с разворота прошел над городом уже на средней высоте, включив всю бортовую аппаратуру в режим фиксации, и только после второго виража снизился к одному из озер, показавшемуся наиболее удобным. Спикировал и, почти не подняв брызг гладким брюхом, плавно и красиво соприкоснулся с поверхностью воды.

Погасив скорость, пилот отвернул к берегу, приткнулся в него носом и дал бортовым летным системам приказ перейти в режим ожидания.

— Ну, во имя девяти друидов, глазастый, давай, показывай, чего ты там успел возле города отснять?! — потребовал он от модуля.

Картинка высветилась прямо на лобовом стекле: земляные валы, лодки, стены, дома. Но на этот раз пилот смог рассмотреть во всех подробностях местное население: женщин в

полотняных одеждах, мужчин как в тканных костюмах, так и в кожаных, и в металлических. Жителей с веслами и ведрами, с мечами и корзинами, с копьями и сетями...

Еще в городе и вокруг в оказалось множество животных. Однако с первого же взгляда на строителей городка можно было мгновенно отделить разумных обитателей от скота, самок от самцов, понять примерное строение их общества и назначение как оружия, так и основных инструментов.

Просто потому, что все они были «*мокрушниками*»! Точно такими же, как и сам Ротгкхон! Сиречь — существами, хорошо приспособленными к жизни в воде. Умеющими нырять, плавать, не проваливаться в топкое дно благодаря большим ногам — и не имеющим шерсти, предательски намокающей от долгого пребывания в жидкости.

— Это всё слишком хорошо, чтобы быть правдой... — опять поморщился вербовщик. — Если в ближайшие сутки не случится какой-нибудь крупной гадости, я отсюда, наверное, смоюсь! Слишком большое везение всегда кончается конфузом...

Впрочем, наличие здесь собратьев по генотипу Ротгкхона особо не удивило. Все же эта планета когда то входила в состав почившей империи. А раз желтые карлики «*коридора*» всегда служат желанными маяками для спасательных капсул, то за долгие эпохи сюда вполне могли опуститься один или даже несколько экипажей с потерпевших крушение кораблей.

В малой общине сохранить огромный багаж знаний развитой цивилизации уровня пятого-шестого друида невозможно, — и уже через три-четыре поколений потомки спасшихся людей, увы, неминуемо дичают.

Зато они смогли расплодились так, что успешно освоили планету от края и до края!

Кроме того, точно так же вполне могла деградировать и обычная человеческая колония, даже весьма крупная, — но в силу каких-то причин надолго оставшаяся без связи, без запчастей, новостей и типового, пусть и удаленного, образования. Такое тоже случается сплошь и рядом!

В общем, то, что в «*мокрушном*» рукаве галактики на одной из планет бывшей империи «*мокрушников*» обитали именно «*мокрушники*», было вполне естественно.

Но уж подозрительно идеально здешние обитатели подходили для нужд вербовщика!

Все шло слишком, слишком хорошо... И поэтому Ротгкхон внимательно просмотрел запись еще раз, выискивая нестыковки, ловушки или еще какие-нибудь скрытые дефекты здешних обитателей.

Однако ничего странного так и не заметил!

— Ладно, приступим к этапу номер два, — решил он. — После которого все станет окончательно ясно. Борт, сканирование ведется?

— На удалении двух переходов имеется скопление существ гуманоидного типа, — отозвался вычислитель, — на удалении единицы имеется малое скопление таковых, еще два существа есть на удалении один-один и один-три...

Система управления модулем выдавала расстояния исходя из возможностей разового пешего перехода, от отдыха до отдыха, при нормативе в три полноценных перехода в день. Такое исчисление издревле считалось самым удобным для понимания и оставалось неизменным даже во времена сверхсветовых скоростей. Ибо в любую эпоху, хоть неолита, хоть межзвездных перелетов но рано или поздно человеку все равно приходится идти куда-то пешком...

— Какое за скопление самое ближнее? — переспросил пилот.

— Трое гуманоидов, предварительная оценка: люди, женщины, гражданские.

Поскольку туземцы планеты ничем не отличались от большинства разумных обитателей третьего рукава галактики, посадочный модуль при сканировании успешно опознал их как людей, и теперь различал лишь по полу и наличию, или отсутствию оружия.

— Надеюсь, биохимия у них тоже обыкновенная...

Ротгкхон поднялся из анатомического кресла, достал из приборной панели инъекционный пистолет, проверил, на месте ли «*поворотник*» в левом нагрудном кармане, перешел в задний отсек, застегнул на поясе «*экзоноги*» — щиколотки у этой модели захлестывались автоматически, и набросил на голову маскхалат.

Свободно свисающее легкое полотнище, предназначенное для пехотных частей Империи, экранировало бойца во всех спектрах излучения — магнитном, оптическом, тепловом, поглощало радио, инфра и тахиволны. В общем — превращало своего владельца в полную невидимку. Тем более — для дикарей!

Проверив уровень зарядки аккумулятора, Ротгкхон открыл люк, выбрался наружу и недовольно поежился: когда половину жизни проводишь в космосе, как-то забываешь, что на планетах бывает переменная температура воздуха, разная влажность и прочие превратности погоды!

Немного поколебавшись, вербовщик всё же решил не тревожить аварийный запас модуля и провести разведку так, налегке, благо отлучаться надолго он не собирался.

Вытянув из внешнего люка крепежный тросик, пилот захлестнул его вокруг дерева с белой гладкой корой — а то как бы модуль ветром не унесло, перевел ноги на средний режим и побежал в направлении ближних замеченных туземцев.

«*Экзоноги*» обладали повышенной проходимостью, но особой скоростью не блистали. Здешняя звезда успела переместиться почти на четверть небосклона, когда компактный датчик движения наконец-то указал близость целей.

Вербовщик снизил скорость, перевел систему в режим минимальной мощности, стал красться вперед, аккуратно перебираясь от одного шершавого коричневого дерева к другому и выглядывая вперед из-за ствола перед каждым перемещением.

Вскоре он увидел добычу: трех туземок в длинных балахонах, собирающих что-то с земли то в рот, то в овальные емкости. Трех людей ему было много — и потому вербовщик наметил в качестве жертвы высокую женщину, показавшуюся самой взрослой, даже пожилой. А значит — опытной.

Ротгкхон выдвинулся из-за дерева, немного так постоял, проверяя качество маскировки.

Старшая подняла голову, глянула прямо на него, но явно ничего не заметила и вернулась к сбору плодов местной травы. Вербовщик, уверенный в своей незаметности, стал обходить жертву, намереваясь напасть со спины.

Однако та внезапно выпрямилась, посмотрела ему в самые глаза.

Ротгкхон замер, а как только женщина отвернулась, торопливо сместился в сторону — и едва не оглох от истошного вопля!

Вербовщик вскинул руки к ушам, шарахнулся за деревья, потом все же выглянул.

Две туземки из трех, бросив емкости, драпали со всех ног. Третья, растерявшись, смотрела по сторонам.

Опасаясь остаться вовсе без добычи, вербовщик решительно шагнул к ней, доставая инъектор, высунул руку через прорезь, коснулся прибором шеи несчастной и нажал на спуск.

Лекарство подействовало мгновенно: глаза женщины закатились, и она рухнула, как после прямого попадания ионизирующего импульса. Ротгкхон насилу успел подхватить добычу и закинуть на плечо!

Краешком сознания он отметил, что визги беглянок прекратились: они остановились вдалеке и теперь ошарашенно наблюдали за творящимися с товаркой чудесами. Но вербовщику было все равно — ведь его самого туземки не видели! И потому Ротгкхон невозмутимо перевел «*ноги*» на максимальную скорость, развернулся — и помчался обратно к модулю.

Вернувшись назад, он уложил пленницу на стол медицинского отсека, раздел, застегнул на голове шлем и скомандовал модулю:

— Сделай полный анализ!

Сам же ушел в кабину, по пути выдернув из шкафчика стандартный десантный паек: паштет, сок, меланоловые сухари для укрепления зубов, десертная паста.

Пока пилот подкреплял свои силы, бортовые системы как раз управились с оценкой местного организма и выдали вполне ожидаемый анализ прямо на сферу над столом:

— Вид организма: арнак, кариотип сорок шесть, подкласс белатон, — вслух прочитал Ротгкхон. — Короче, как и ожидалось, «мокрушница». Мы родились с туземкой в разных рукавах галактики, но все равно так близки по происхождению, что можем даже заиметь общих детей! Вот окажется смешно, если я нашел потерянную прародину «мокрушников»...

Тайна происхождения «*арнаков*» была еще невесть когда безнадежно потеряна в бездонном лабиринте научных архивов уже давно погибшей старой Империи.

Разумеется, ответ на этот вопрос где-то когда-то существовал. Но на пике могущества державы каждая из тысяч входивших в государство планет стремилась присвоить славу прародины себе, выискивая для этого самые неопровержимые и твердые научные аргументы! Среди этих тысяч «*неопровержимых*» фактов, — факты реальные навсегда затерялись в дебрях исследований еще десятки веков назад. И все, что ныне могли сказать ученые мужи, так это то, что предок арнаков был водяным существом: это доказывали рудиментарные мышцы в носу, опущенная гортань, направленные вниз ноздри, гладкая кожа, умение задерживать дыхание... В общем — все те сотни особенностей организма, что нацелены на умение нырять и плавать! Признаки, за которые арнаки и были прозваны «*мокрушниками*».

Но ни на одной из планет империи этот предок, увы, так и не был найден!

Тайна породила слух, согласно которому арнаков создала легендарная «*изначальная*» раса специально для участия в войнах. Ведь бойцы, одинаково хорошо живущие как в воде, так и на суше, способные надолго задерживать дыхание, использовать любую атмосферу при наличии в ней кислорода, да еще и всеядные — имеют немалое преимущество перед покрытыми шерстью врагами, способными драться только на воздухе и употреблять только уникальную собственную пищу.

Но потом, согласно легенде, создания якобы взбунтовались против своих создателей и перебили всех «*изначальных*», захватив их империю.

Однако вся эта легенда вдребезги разбивалась одним самым простым аргументом: умение нырять было у арнаков рудиментарным, наполовину утерянным качеством! А искусственные организмы всегда создаются полностью завершенными, без подобных недоделок...

— Борт! — наконец не выдержал Ротгкхон. — Сколько еще ждать?! Мозговая матрица готова?

— У пациента отсутствует цельная матрица, — ответил модуль. — Обнаружены значительные врожденные повреждения глубинных участков мозга. Его память не имеет полноценной связи с активной нервной тканью.

— Слава седьмому друиду! — благодарственно вскинул руки пилот. — Маленькие и простые неприятности лучше больших и неожиданных. Выходит, я ухитрился сцапать самую бесполезную, серьезно больную на голову туземку из трех. Бывает и такое. Но хоть чего-нибудь из ее матрицы вытащить получилось?

— Восстановлен речевой блок. Идет обработка ценностной и религиозной структуры. К сожалению, строение памяти фрагментированно. Причинно-следственные связи запутаны.

— Как долго продлится анализ?

— Нет обоснованного прогноза.

— Может, проще другую «мокрушницу» поймать? — вербовщик прошел в медотсек, откинул полку дополнительной койки, вытянулся на ней, вынул из гнезда и натянул на виски

диагностический шлем: — Дай мне речевой блок и восстановленные структуры! Потом разберусь...

Тут же голова закружилась, как при невесомости, перед глазами запрыгали радужные пузырьки, в животе Ротгкхона возникла холодная слабость.

Поначалу, очень давно, после правки подкорковой памяти его даже тошнило — но теперь он уже привык и свой обед удержал на месте.

— Всё? — резко поинтересовался пилот.

— Речевой блок интегрирован. Как вводить ценностную и религиозную структуру?

— Иллюстративно... — пилот сжал кулаки.

Голова снова закружилась, перед глазами замелькали невнятные образы, зазвучали слова песен, он увидел хороводы, свечи, снова услышал песни, мелькнуло лицо матери, снова зазвучали песни.

— Ладно, всё! Заканчивай! Без внедрения.

Сознание словно загудело от внезапно нахлынувшей пустоты — Ротгкхон резко сдернул шлем, сел на полке:

— Это бесполезно, борт! Нет у нее ни религии, ни памяти. Вместо них только песни. На одной поэзии и держится. Голоса, да образы ближних родственников. Надо же, чтобы так не повезло! В общем, заканчивай сканирование... Ее матрица в любом случае нестандартная. Использовать невозможно.

— Шлем отключен.

Ротгкхон освободил голову пленницы, отстегнул зажимы и присел рядом, думая, как поступить дальше?

По уму, сняв информацию, носителя было бы желательно исключить из общества. Перебросить из места обитания куда подальше. Как минимум — «*затереть*», чтобы тот ни о чем не проболтался остальным туземцам.

Но «*затирать*» память ненадежно. Ведь сканировать спящий мозг нельзя. Препарат инъектора не лишал жертву сознания, а погружал в пограничное состояние, некое подобие бесчувствия. И пленница могла что-то осознать, что-то понять или увидеть. Запомнить...

Да еще и биохимия туземцев иногда отчебучивала самые неожиданные чудеса!

Но с другой стороны — исчезновение одного из жителей деревни могло встревожить соседей, и путник, появившийся после такой неприятности, наверняка вызовет подозрение.

— Де-ре-вня, — вслух произнес Ротгкхон, прислушиваясь к своему голосу. — Соседи. Тиун. Староста. Мама. Сосед. Дура. Чур-чура. Чур не за обжог. Похоже, речевой центр работает. Может, обойдется?

Он провел рукой по телу неподвижной пленницы.

А ведь она была хороша! Еще не созревшая, со слабыми половыми признаками, но уже сильная, правильно сложенная, большеглазая и гладкокожая, с густыми волосами и тонкими пальцами. Образцовое тело для ребенка арначки — хоть сейчас в каталог!

Жалко только, что умственно неполноценная...

— Пленка у нас дурочка... — повторил пилот фразу из ее памяти. — Это хорошо. Если дурочка, то не выдаст. Кто среди соседей станет ее слушать? И ведь красива бедолага на удивление! Борт, ее возможно вылечить?

— Восстановление нервных связей возможно при длительном стационарном лечении, — ответил модуль. — Но отсутствие линейного развития на начальном этапе и поэтапного воспитания делает невозможным достижение пациентом...

— Всё-всё, я понял! — отмахнулся Ротгкхон. — Раз она выросла дурочкой, превратить в умницу уже не получится, даже если вылечить.

— Прогноз лечения не однозначный, — добавил модуль. — Вероятность восстановления функций на уровне ноль три.

— Короче, бесполезно... — вздохнул вербовщик. — Жалко, такая красота пропадает!

— Прогноз на здоровое потомство благоприятный, — неожиданно вкрадчиво высказался борт.

— А будет ли оно у этой малышки? — пожал плечами Ротгкхон. — Кому такая нужна? Четвертый друид учит, что разумное существо должно ценить потребности души выше плотских желаний! А эта бедняжка не то что влечения испытать не способна, она даже ненавидеть, и то, похоже, не умеет...

— Возникло движение человеческих женских гражданских лиц от основных мест пребывания в нашем направлении, — резко оборвал его колебания борт.

— Разве здешний день еще не закончился? — удивился Ротгкхон.

— Темный период суток настал, — подтвердил модуль. — Но движение продолжается.

— Значит, ищут именно ее! — понял вербовщик. — Наверное, не просто дурочка, а родственница кого-то из вождей... Тогда и вправду разумнее всего вернуть ее в селение!

Туземцы на сканере передвигались медленно, и у Ротгкхона хватило времени и на то, чтобы нарядить пленницу обратно во все три юбки, рубаху и сарафан, завязать на голове платок, а затем, используя подзарядившиеся «*ноги*» отнести малышку на тропинку за рощей, оставив на открытой лужайке на пути у местных смердов.

— Найдут и успокоятся, — аккуратно пристроив голову женщины на выпирающий замшелый корень, решил вербовщик. — А как только волнение в племени утихнет, я тогда вторую вылазку и организую...

* * *

Рассвет наступил неожиданно — когда солнце, поднявшись из-за густых березовых крон на противоположном берегу, ударило своими пронзительными лучами прямо в глаза спящего в пилотском кресле вербовщика. Мужчина вздрогнул, потянулся, зевнул:

— Во имя девяти друидов! Борт, отчего не зафильтрован лоб корпуса?

— Режим экономии батарей. Атмосферный свет опасности для зрения не представляет.

— Нашел на чем ужиматься…

Ротгкхон поднялся, покрутил головой, руками.

Всем хорошо анатомическое кресло: плотно облегает, спасает от ударов, гасит перегрузки. Вот только крутиться в нем, пока спишь, невозможно — и тело жутко затекает!

Вербовщик прошел ко входному люку, выпрыгнул на берег, втянул носом воздух, пахнущий влажной от росы травой, сладковатым липовым цветом. Над озером, с легким сухим треском, стремительно носились стрекозы, над головой шелестели от слабого ветра трепетные березовые листочки, вдалеке мерно и многоголосо квакали лягушки...

В общем — речевой блок пленницы встал у него в памяти великолепно, как влитой!

Вербовщик снова потянулся, глядя на озеро, почесал нос и вдруг решился:

— Эх, мокрушник я или нет?!

Он быстро скинул спецовку, вошел в воду, сделал глубокий вдох и нырнул, проплыл несколько саженей, загребая ладонями воду, вынырнул, перевернулся на спину и замер, глядя в ползущие совсем близко белые облака:

— Великая сила: инстинкт! Вроде, уже сколько месяцев воды не видел, ан все едино макнуться тянет...

Ротгкхон втянул воздух, извернулся, ныряя в глубину, вдоль дна скользнул к берегу и уже под самыми березами выбрался на берег. Одеваться не стал: подхватил комбез, вошел вместе с ним в модуль, кинул в утилизатор, взял из шкафчика свежий и вернулся в кресло, по дороге прихватив еще и контейнер с пайком.

— Селектировано движение в направлении модуля, — внезапно сообщил борт. — Один объект, гражданский, женщина. Удаление один ноль.

— На ловца и зверь бежит! — обрадовался Ротгкхон, торопливо заглатывая паштет. — Нужно перехватить...

В этот раз он сразу включил «*ноги*» на максимальную скорость и вышел к точке перехвата так быстро, что легкий завтрак не успел рассосаться и неровно бултыхался в животе.

Получив сигнал сканера о близости цели, Ротгкхон сбросил мощность гидронасосов до минимума, стал пробираться через густую ивовую поросль медленно и осторожно, всматриваясь вперед — и почти сразу заметил вчерашнюю знакомую, одну из двух сбежавших туземок: деваху в коричневом платке и длинном выцветшем сарафане.

«*Мокрушница*» быстро двигалась навстречу, вглядываясь в подрагивающую землю, чуть в сторонке от равномерной череды глубоких ям.

Ротгкхон невольно оглянулся — и негромко выругался: за ним, насколько хватало глаз, тянулись точно такие же прорехи!

«*Экзоноги*», работая на полную мощность, толкались от земли с такой силой, что следы напоминали пробоины от выкорчеванных пней!

Вербовщик тихо выругался — и тут ему в голову пришла еще более невероятная догадка:

— Великие друиды! Да ведь она же меня выслеживает!

Эта мысль заставила пилота выпрямиться выше и вглядеться в девушку повнимательнее...

Но ничего особенного Ротгкхон в ней не увидел. Девица как девица! Волосы по местному обычаю спрятаны под платок, одежда не просто поношенная, а серьезно истрепана, на широком сыромятном поясе — плоская сумка в две ладони шириной и нож, рукоять которого прихвачена веревочкой, чтобы не потерять.

В общем, самая обыкновенная «*мокрушница*». Или, как они себя здесь называли: смертная, баба, смердка, девка, девушка, женщина, внучка Сварогова, человек.

Но в любом случае, против анатомии не попрешь — воинами у арнаков могут быть только мужчины!

Однако, на всякий случай, Ротгкхон все же предпочел сместиться влево, уходя подальше от предательской цепочки оставленных следов.

В экономичном режиме таких глубоких ям его ноги уже не выбивали, и можно было надеяться, что туземка его не найдет.

Вербовщик еще раз выглянул над кустами и...

Вот, проклятье! Шустрая девица успела не просто его обойти, но и переключилась с поисками на свежую тропу!

Ротгкхон, ощутив себя в непривычной роли жертвы, инстинктивно двинулся вправо и навстречу туземке, чтобы выйти за ее спиной на свои старые следы и по ним незаметно скрыться — но вовремя спохватился.

Что за чушь? Это ведь он охотится, а не на него!

Вербовщик вытянул из кармана инъектор, стал мягко подкрадываться к туземке, осторожно раздвигая ветки и ступая как можно тише.

Все же брать пленных лучше быстро и тихо, без лишней беготни!

Однако девушка тоже оказалась начеку, почему-то резко отпрянув и схватившись за нож.

Ротгкхон затаился, давая ей время успокоиться, потом сделал медленный шаг вперед, еще один...

— Я тебя вижу, леший! — внезапно громко заявила «*мокрушница*» и вытянула руку, указывая на вербовщика. — Я тебя вижу! Открывайся!

Ротгкхон замер, отчаянно соображая: что же ему делать в такой нелепой ситуации? И что вообще означает требование туземки?

Но когда девица решительно двинулась к нему с явным намерением сдернуть маскхалат, пилот смирился и откинул полотнище на спину:

— Ну, ладно, ладно, хорошо, — вздохнул он. — Ты меня заметила. И что теперь?

— Теперь ты должен исполнить три моих желания... — медленно, непривычно растягивая слова ответила туземка, изумленно рассматривая вербовщика. — Вот, значит, каков ты обликом, леший, когда не таишься и пнями-корягами не прикидываешься?

— Ты серьезно? — невольно вырвалось у Ротгкхона. — Я должен исполнять твои желания?

— Да, ты обязан! — уверенно кивнула туземка. — Ты же ведь леший! Я тебя увидела. Теперь ты уже прятаться от меня не можешь. Ты должен откупаться!

Она вскинула руку с тремя растопыренными пальцами и стала загибать их по одному:

— Я хочу, чтобы ты исцелил мою сестру; я хочу дорогих подарков; и я хочу выйти замуж за князя!

Ротгкхон изумленно хмыкнул и кивнул:

— Это все? И тогда мы будем в расчете? Ну, ладно, будь по-твоему... Пошли!

Разумеется, когда объект идет на исследование сам — это намного удобнее, нежели тащить его на плечах!

Вербовщик проводил туземку на модуль, пропустил вперед себя в медицинский отсек, уколол в шею инъектором, раздел, укрепил на столе, надел шлем и отступил:

— Борт, полный анализ! Качество мозговой матрицы?

— Оптимальное. Сканирование завершено, — почти сразу ответил модуль.

— Отлично! — Ротгкхон привычно откинул резервную полку, забрался на нее: — Тогда дай мне поверхностное наложение. А сам объект проверь по генетическому коду и общему состоянию здоровья.

В этот раз перенос информации прошел без сучка и задоринки. Вербовщик и охнуть не успел, как знал о своей жертве все, целиком и полностью!

Ее звали Зимавой, была она двадцати двух лет от роду, семь лет назад во время пожара успела с сестрами выскочить из полыхающего дома, а родители с братьями так и остались внутри. Теперь они втроем жили в уцелевшей бане, их сил хватало на хозяйство всего из трех кур и пары грядок с репой и капустой, да еще община дозволяла сиротам рыбу ловить сколько смогут. Тем и перебивались: что в сети зайдет, да что за лето насобирать успеют.

Проще говоря — нищенствовали.

После жуткого, смертельного для семьи пожара Зимава поначалу еще мечтала, что найдется для нее суженый, возьмет замуж — и кончится, наконец-то, случившийся кошмар! Что она снова будет спать на чистых простынях, нарядно одеваться, да вдосталь наедаться.

Но только кому нужна невеста, у которой из приданого только два голодных рта в виде сестер малых, да еще одна из них — умом тронута?

Потому-то ныне, оставшись в старых девках, Зимава и стала бегать к лесной знахарке за тайным учением. Известное дело — повитухи, да ворожеи всегда себе кусок хлеба добыть смогут!

Старуха ее приветила — но особого учения передать пока не успела. Однако обмолвилась как-то, что лешие, в лесах шаля, таятся, и того, кто их разглядеть способен — пугаются и отдариваются, дабы прочим смертным счастливчик их тайны не выдавал!

Ротгкхон теперь даже знал, как она его опознала. По искажению на краях накидки! В движении окружающая растительность на сгибах плаща-невидимки отражалась неверно, и силуэт, пусть и слабо, но проступал.

Увидев как странное, неразличимое в чащобе существо схватило ее сестру, — Зимава поняла, что нашла настоящего волшебного лешего, и решила его выследить. Как раз ради тех самых трех заветных желаний!

— Вот и выследила! — подтвердил ее успех вербовщик, снимая шлем и усаживаясь на полке.

Получалось, здешние «*мокрушники*» принадлежат учению третьего друида. Симбиоз с природой, духи ручьев, камушков и деревьев, братство со зверьем и поклонение солнцу.

— Что же, тоже неплохая система для развития! — вслух решил Ротгкхон и усмехнулся: — Но надо же, однако, такое придумать! Я, оказывается, леший! Борт, как ее состояние?

— Полностью здорова, но истощена, — отозвался модуль. — Генетическая линия не прослеживается. Отщепление видовой ветки произошло не менее восьмидесяти тысяч лет назад.

— Хорошо...

Вербовщик бросил взгляд на совсем хрупкое без просторного сарафана тело девушки.

Кожа да кости! Грудь почти не развита, черты лица острые, словно их топором из деревяшки высекали. Правда, характер невзгодами закалился, добиваться своего она умела. Вон, как вчера деревенских мужиков криками да укорами отправила сестру свою в ночи искать! Кого трусостью попрекнула, кому на жалость надавила. Но — нашли...

Впрочем, мозговая матрица снималась с пленницы вовсе не для того, чтобы познать тонкости ее душевных мук и биографии. Из памяти Зимавы Ротгкхон смог узнать и то, как зовут здешних властителей, и откуда они берутся, и где обитают. Она видела здешние деньги, она понимала, чем можно пользоваться вместо них, ведала о ценности золота и серебра. Она не раз наблюдала за туземными воинами, наезжавшими в деревню за оброком, помнила их оружие, одежду, обувь...

В общем — она знала все то, что требовалось вербовщику для незаметного проникновения в этот мир! Ведь прежде всего Ротгкхону требовалось стать здесь своим, усвоить местные обычаи и потребности, заслужить доверие. Иначе — каши с туземцами не сваришь. Странного и непонятного чужака никто и слушать не станет!

Перейдя из медицинского отсека в технический, Ротгкхон застегнул на висках усики прямого порта, вызвал экран сортировки, из интегрированного в кость личного информационного блока скачал в память модуля весь пакет привычного снаряжения. Пролистал его, оценивая уровень необходимой к местным условиям корректировки, дал команду распечатки.

Тут же засветилось окошко плоттера, тележка пробежала над рабочим полем, распыляя ферромагнитную матрицу, поверх которой стала осаждаться железная углеродистая пыль с примесью титана, бора и молибдена.

Эфес меча вербовщик, как всегда, предпочел напечатать из красной бронзы, а рукоять — из желтой пористой пластмассы, на вид и на ощупь неотличимой от кости, и так же хорошо впитывающей пот, что не давало оружию скользить в руке.

Впрочем, любимым оружием Ротгкхона всегда был не меч, а «*боковина*» — разновидность копья, примерно треть которого с одной стороны прикрывалась широким лезвием. Этой игрушкой, придуманной еще пятьдесят тысяч лет назад на Рыжем Сархуме, можно было и колоть, и рубить, и успешно прикрываться от ударов любым холодным оружием.

Разумеется, здесь, на Земле, никто ни о чем подобном наверняка и слыхом не слыхивал! Но у диких народов начальных эпох единообразия в оружии никогда не бывает, и если кто-то из воинов помимо привычных тесаков, топоров, секир и мечей носит что-то еще — особого удивления это ни у кого никогда не вызовет.

Пока плоттер работал, Ротгкхон вернулся к девушке, присел возле нее, задумчиво оглядывая костлявое тельце...

Вербовщик, в принципе, получил от нее все, что хотел! Однако в разуме пилота зародился план, который помог бы ему значительно ускорить внедрение в местное общество... Учи-

тывая нетерпение штаба корпуса по поводу его работы — такой возможности упускать не стоило.

Ротгкхон забрал одежду пленницы, наскоро осмотрел, бросил в утилизатор. Обнажил и оценил нож, лезвие которого оказалось сточено до обуха и имело не больше мизинца в толщину. Пожал плечами и метнул следом. Закрыл глаза, вспоминая мечтания Зимавы...

Самой невероятной красавицей она воображала себя в зеленом атласном платье с пышными рукавами, с красными шнурами по швам, толстыми ватными плечами и большой грудью, с жемчужным полукругом на груди и высоким кокошником!

— Борт, ты способен снять картинку в моем сознании?

— В данном положении нет.

— Ладно... — вербовщик потянулся за шлемом, насадил на голову. — А так?

— Информация получена.

— Адаптируй картинку по ее размерам и отправь на плоттер.

— Принято! На плоттере очередь к исполнению из восьмидесяти четырех предметов.

— Пометь приоритетное исполнение. И... И еще ей нужен хороший нож. У них здесь без клинков никто, кроме детей малых, не ходит... Впрочем, нет! Нож я сочиню сам, у нее удачных фантазий не было. И сумку на пояс!

Платье из фантазии пленницы плоттер напечатал сразу после меча. Дождавшись, пока вслед за длинным кинжалом с ножнами будет готова и украшенная золотыми клепками сумка, Ротгкхон положил внутрь кремниевое палочное кресало, цветастый красно-синий платок и бусы из глазурованного карбоната кальция, именуемого туземцами «*жемчугом*». В медотсеке он расстелил одежду на откинутую полку, снял с девушки шлем, впрыснул ей антидот и отправился в рубку играться с мечом.

Только священным друидам было ведомо, как он соскучился по возможности взять в руки настоящий сверкающий клинок и широким взмахом рассечь им хотя бы воздух!

Пара десятков выпадов, перебросов и блоков — и модуль содрогнулся от возмущенного вопля:

— Как ты посмел?! Ты меня раздел! Ты меня касался! Ты на меня смотрел!

— Я снимал с тебя размеры, — невозмутимо ответил вербовщик, совершая нырок с глубоким переносом. — Иначе как бы я приготовил подарок? Ты ведь знаешь, я не причинил тебе никакого урона!

— Я тебя поймала, леший! Ты должен исполнять мои желания, а не усыплять зельем и раздевать против моего желания!

Ротгкхон покосился на туземку и приказал:

— Борт, поставь перед ней зеркало!

В воздухе, дрогнув, сконцентрировалась светоотражающая пленка.

Увидев собственное отражение, гостья осеклась, приосанилась, закрутилась.

Щеки румяные, глаза зеленые, волосы русые — красава!

Но она быстро спохватилась и перешла на требовательный тон:

— Ты должен желания мои исполнять, леший, а не титьки лапать! Али не слышал, чего я пожелала?! Сестру мою исцелить, сокровищами одарить и княжной сделать! А иначе я тебя выдам.

— Борт, убери зеркало, — распорядился Ротгкхон, стремительно рассек клинком воздух и примерился мечом к шее пленницы: — Стало быть, сказываешь, выдашь? Разболтаешь всем смертным о моей тайной норе?

— Ты, это... — сбавив тон, попятилась пленница. — Ты леший, я тебя поймала... Так нечестно!!!

— А где ты, Зимава, честность в нашем мире видела? — рассмеялся вербовщик. — Разве то, что дом твой сгорел, это честно? То, что сестер своих одна столько лет тянешь, доброго

слова не слыша, это как? Честно? Что в бане холодной под общей рогожей мерзнете, а в близком лесу дров нарубить не по силам, это честно? Как же ты, милая, в честность по сей день верить ухитряешься?!

— Откель ты знаешь, как меня зовут? — совсем растеряла гонор туземка. — И про дом с сестрами?

— Я же леший, забыла? — подмигнул ей Ротгкхон и крутанулся на пятках: — Ладно, не бойся! Отдарю я тебя за храбрость и взор острый. Платье вот уже твое, нож новый, жемчуга всякие. Золотишка подброшу. Но токмо ты никому обо мне ни слова! Ни слухом, ни духом, ни во сне, ни наяву! Уговор?

— А как же желания? — тихо и скромно, но с прежним упрямством потребовала Зимава.

— Веришь, я бы тебе помог, — опустил клинок вербовщик. — Честное слово! Но не по силам мне это. Ни сестру твою исцелить, ни в князья пристроить. Для этого у-у-у каким могучим лешим надо быть, — театрально развел он руками, — ого-го! А я так, простенький дальний родич...

И для доходчивости пилот совсем слегка развел пальцы.

— Так попроси старших!

— Не могу, — вздохнул Ротгкхон. — Разругался я с ними в-вусмерть! Такая у них ко мне вражда, что убегать приходится. Ухожу я из леса, Зимава! К людям пойду! Куда-нибудь подальше, в город. Мыслю к князю вашему в дружину наняться. Там меня лесные духи точно не найдут!

— А ты повинись. Может, и простят, — посоветовала девушка.

— Может, и повинюсь, — согласно кивнул Ротгкхон. — Да токмо ныне злы они на меня очень! Выждать хоть несколько лет мне надобно, дабы остыли старшие, успокоились. Там, глядишь, и смилуются.

— Как тебя звать-то, леший? — подошла ближе селянка.

— Сама как-нибудь назови, — предложил ей Ротгкхон. — Человеческого имени у меня пока нет.

— Лесослав... — чуть подумав, предложила Зимава. — Лесослав для лешего в самый раз будет.

— Хорошее имя, — согласился вербовщик.

— Лесослав... — Она подступила еще ближе. — Но ведь у тебя есть сила! Хоть какая-то, но есть. Попытайся вылечить мою сестру. Хотя бы попробуй!

— Я пытался, у меня не получилось, — ответил Лесослав, дабы покончить с разговором раз и навсегда. — Она ведь была у меня в руках, ты же знаешь! Попробуй лучше сама. У знахарок есть свои тайны... Выучись ворожбе и исцели! У тебя будет золото. Ты сможешь купить дрова, не думать о еде. Только учись! А коли понадобится, я подсоблю. Только и ты мне помоги, красавица. Отведи меня в город, и скажи там, что родич я твой дальний. А я в долгу не останусь.

В лице Зимавы что-то неуловимо изменилось, и она снова ласково напомнила:

— Три желания исполняй, леший. Исполняй, не то выдам! И мечом можешь боле не грозить! Без меня тебе к людям не выйти. Коли попытаешься: выдам! А убьешь: мужики по следу придут и сожгут вместе с норою. Никуда не денешься! — гостья злорадно растянула губы в широкой многозубой улыбке: — Верно бабка сказывала, хитра лесная нечисть донельзя... Однако же волю знахарки все едино исполнит, коли та сама не сглупит! Исполняй желания мои, Лесослав! Исполняй, не то ничто тебе не поможет! Мужики не найдут, так тебя родичи твои старшие заловят. Без меня тебе от них не сбежать!

Девица оказалась самоуверенна до изумления. И так нахраписта, что Ротгкхон даже заколебался, прежде чем убить нахалку. А то ведь как бы и вправду лишнего не сболтнула! Придется тогда перелететь на другое озеро, идти в город незнакомцем и неведомым путем...

Не ловить же на новом месте новых туземцев для снятия свежих данных о местности? Каждая такая охота — целый день съедает! А у него — прямой приказ ускориться.

— Самое обидное то, что я ведь начал с подарков, — укоризненно покачал Ротгкхон головой, поднимая меч.

И тут же опустил: не хватало еще кровью входной пандус залить! Здесь роботов-уборщиков нет, придется до возвращения на орбиту в грязи мучиться. Разумнее просто дать пленной еще одну инъекцию и сбросить в воду. Во беспамятстве даже мокрушники долго на глубине не протянут.

Вот ведь дура какая: предпочла смерть золоту и жемчугам! Вся в Пленку! Вестимо, это у них семейное...

— Подарки, это только одно желание! — тем временем громко вслух раздумывала Зимава. — Вылечить сестру ты не можешь, сделать меня княгиней тоже.

— Заблокирована крышка плоттера, — внезапно сообщил борт. — Требуется вмешательство.

— Опомнись, деревенщина! — зло отпихнув девушку, прошел на корму Ротгкхон. — Тебе давно за двадцать! Все, абзац, ты старая дева! Женихов больше не жди...

Он заглянул в технический отсек, отгреб в сторону тряпье, в которое уперлось древко застрявшего при выбросе свеженапечатанного копья, опустил крышку обратно.

Плоттер заурчал, готовясь к продолжению работы. Вербовщик окинул взглядом готовую одежду, но решил сперва покончить с туземкой, а уж потом разбирать вещи.

Он вышел в коридор — и едва не уткнулся носом в вытянутый палец пленницы:

— Слушай мое второе желание, леший! — торжественно провозгласила Зимава. — Если ты, Лесослав, хочешь, чтобы я не выдала тебя людям, то тогда ты сам на мне и женишься! Княгиней мне, может, и не стать, но за дружинником жить тоже неплохо получится. А третьим моим желанием будет, так это чтобы сестры с нами вместе проживали!

— А теперь слушай меня ты, мелкая зазнавшаяся козявка! — вербовщик выхватил инъектор, прижал его к подбородку туземки, взглянул в упор в ее нахальные зеленые зенки и...

И подумал о том, что пришедший наниматься к князю муж местной деревенской бабы вызовет куда меньше подозрений, нежели неведомый чудак странного вида, взявшийся невесть откуда и сказывающий диковинные вещи.

— Слушай меня! Я... — пилот ослабил хватку, отступил и спрятал медицинский пистолет. — Я согласен...

Девушка сглотнула, осторожно покачала головой из стороны в сторону:

— Ты чуть не задушил меня, леший!

— Отвыкай называть меня лешим, — посоветовал Ротгкхон. — А то еще ляпнешь как-нибудь при людях. Меня зовут Лесослав!

— Ну, коли желания мои ты исполнить согласился, — прохрипела Зимава, — то давай о том уговоримся, чем ты мне за службу отплатишь, что из леса тебя спасу.

Вербовщик молча вскинул брови, подумал — и снова потянулся за инъектором.

— Дай мне клятву страшную самую, что коли появится у тебя такая возможность, то сестру мою ты от болезни исцелишь!

— Ума не приложу, как ты с таким характером до двадцати двух лет дожила? — искренне удивился Ротгкхон, крутанул инъектор на пальце и спрятал в гнездо панели.

— Так ты клянешься?!

— Клянусь!

— Клятвой клянись!

— Да не нужна тут никакая клятва! — отмахнулся вербовщик. — Мне сделать добро не жалко. Коли смогу, то обязательно сделаю все, что возможно!

— И замуж ты меня возьмешь тоже по-настоящему! — предупредила девушка. — Прилюдно, в святилище, по заведенному обычаю и полному обряду!

— Экая ты недоверчивая, — покачал пилот головой. — У нас, леших, слово всегда одно, твердое и честное, других не бывает!

— Значит, ты на мне женишься?! — девушка радостно подпрыгнула на месте и расцвела широкой улыбкой. Только теперь не зловещей, а самой что ни на есть искренней!

— Я-то женюсь, — согласно покивал Лесослав, достал из шкафчика две витаминизированных пайки. Одну протянул «*невесте*», вторую взял себе. — Вот только, интересно, как ты люду деревенскому объяснишь, откуда меня взяла?

— Скажу-у-у... — вскинула глаза к потолку Зимава. — Скажу, что путник ты заморский, из гостей торговых! Отлучился от своих на ночной стоянке, да в чащобе незнакомой и заплутал. Ходил долго, многодневно, пока к брусничнику нашему аккурат на меня не выбрался. И так радостен встрече оказался, что тут же поклялся замуж взять, коли к людям выведу! Вот я и привела...

— Угощайся, — Ротгкхон показал ей, как правильно открыть контейнер и, подавая пример, начал есть первым, одновременно прокручивая в голове предложенную туземкой «*легенду*».

При наличии живой свидетельницы из местных жителей — вариант получался и вправду неплохой! Отстал чужеземец от своих и заблудился. Ситуация, конечно, подозрительная, — но вполне правдоподобная. Ему-то, чужаку, может, и не поверят... Но местной въедливой и скандальной бабе — поверят обязательно!

Этакой заразе — попробуй не поверь...

Ракитов куст

Извечно влажный наволок, тянущийся вдоль полупересохшей к середине лета реки Черныги, частью зарос низкой вербой и ивняком, частью — сочной, ядовито-зеленой осокой, а местами — и вовсе камышами. Среди зелени тут и там слышалось сосредоточенное кряканье, попискивание, сверчковый перетреск, шелест и чавканье, — доказывавшие, что среди колышущейся травы и ветвей кипит бодрая жизнь, полная своих волнений, удовольствий и горестей.

Но если смотреть издалека, от соснового бора, — то луг казался ровным и совершенно пустым.

Идиллию внезапно нарушил голос труб, залихватский пересвист, крики и ржание. Из самой глубины бора послышался дробный топот, затем из-под сосен выскочили четыре запыхавшихся волка, а следом за ними — полтора десятка бритых наголо всадников на сильных жилистых скакунах. Все мужчины — в толстых поддоспешниках, у кого-то шитых красным и зеленым катурлином, а у кого и просто простеганных конским волосом.

Звери перемахнули еловую поросль, тянущуюся по краю наволока.

Несущиеся следом во весь опор, с гиканьем и посвистом охотники перескочили ельник следом и рассыпались широким полукругом, продолжая гнать волков вдоль реки.

Один из серых хищников, оказавшись перед окруженной камышами лужей, развернулся, оскалился, готовясь принять драку — но взмах кистеня не дал ему ни единого шанса на достойную схватку.

Дружинник резко нагнулся, прямо из седла подхватил добычу за загривок, бросил поперек холки и отвернул от берега влево, на менее топкое место.

Другой зверь кинулся прямо в реку, быстро переплыл, выскочил на другую сторону, помчался со всех ног. Двое охотников ринулись было за ним — но конь одного вдруг глубоко провалился передними ногами. Всадник из-за резкой остановки вылетел из седла, кувыркнулся через голову и почти без брызг нырнул в самую середину протоки!

Его товарищ реку попытался перескочить и даже почти смог это сделать — но уже по ту сторону его лошадь тоже ушла ногами глубоко в топкое дно, намертво завязнув.

— Уходит, княже!!! — закричал юный Буеслав, указывая в сторону серого хищника, уже почти добравшегося до леса.

Святогор привычным движением расстегнул колчан, выдернул лук, наложил стрелу, резко натянул тетиву, зацепив крученую кожаную нить прорезью кольца, тут же отпустил.

Воздух рассекло черным росчерком, — и каленый двугранный наконечник вошел серому разбойнику между ребер.

Княжич заученным движением дернул вторую стрелу, привстал в стременах, осматривая наволок.

Но стрелять оказалось некуда. Третьего хищника уже нагонял Градята, по пятам за которым мчался разгоряченный, со взлохмаченной подростковой бородой боярин Валуй.

Еще трое дружинников гнались за вспугнутым зайцем. Несчастный малыш в обычный день вряд ли вызвал бы интерес у взрослых серьезных воинов — но охотничий азарт лишил мужчин разума, и они были готовы переломать скакунам ноги, а себе шеи — лишь бы попасть длинноухому железным шариком по мохнатой макушке.

— Княже, олень!!!

Святогор не успел понять, кто упредил его о новой добыче, — но краем глаза увидел движение на опушке, тут же вскинул оружие и, уже отпуская тетиву, осознал, что там, под солнечными лучами, лоснится бобровая опушка княжеского плаща.

На миг в голове мелькнула мысль о том, что всё, теперь муромский стол его!

Но уже в следующее мгновение княжич рванул киметь в сторону, и стрела, вместо того, чтобы впиться жертве в грудь, ушла в густые сосновые кроны.

Тотчас из-за спины Вышемира вырвались вперед его гридни, закрыли правителя собой — но это случилось слишком поздно, чтобы спасать князя от стрелы уже пущенной, и бессмысленно, чтобы оборонять от опасности, более не существующей.

— Великие боги, как же это случилось? — пробормотал Святогор, спрятал лук и поскакал к князю.

Тот, растолкав охрану, выехал навстречу.

— Как охота? — с преувеличенным спокойствием спросил Вышемир.

— Прости, померещилось что-то, — ответил ему Святогор. — Крикнул кто-то, что олень на опушке, и я даже увидел вроде! Наваждение какое-то...

— Я знаю, брат, — кивнул муромский князь. — Ты со ста шагов в лозу ивовую попадаешь. Хотел бы сразить, не промахнулся б. Посему забудь, тебе я верю. Так как охота?

— Семь зверей взяли, два волка ушли... — отчитался молодой княжич. — Один в чаще, мыслю, затаился, один здесь, по наволоку сбежал.

— К седлам привяжите серых, да через деревни окрестные езжайте без торопливости, — распорядился правитель. — Пусть видят смерды, что не даром хлеб их едим! Что стаи голодной им более опасаться не надобно.

— Сделаю, княже, — кивнул Святогор и, потянув правый повод, поскакал к своим гридням.

Вышемир, немного выждав, оглянулся на свиту.

Бояре подъехали ближе.

— Брат сказывает, наваждение у него здесь случилось, — негромко сообщил он. — Милюта, а ты что скажешь?

Один из дружинников, отличимый от остальных разве тем, что на поясе его вместо длинного меча висел короткий широкий нож, спешился, открыл чересседельную сумку, достал хвощевую свечу, направился к тому месту, с которого княжич пускал стрелу, провел рукой над кончиком зеленой палочки.

Свеча моментально пыхнула темно-красным огнем.

Молодой волхв прошел по кругу. В одном месте огонь затрещал, заметался. Милюта свернул, сделал пару шагов к реке — но огонь уже успокоился. Волхв задул свечу, вернулся к правителю города:

— Вроде как, и вправду признак чародейства имеется, княже... — кивнул молодой человек. — Но точнее сказать не могу. Все окрест насмерть затоптано! Однако мыслю я, княже, надобно тебе осторожность ныне проявить. Из чужих рук пищи и питья не принимать, свою поперва у волхвов от порчи отчитывать и человеку преданному на пробу давать.

— Зачем, коли брат правду сказывает?

— Святогор, знамо, правду молвит, — согласился с правителем Милюта. — Но даже если брат твой чист, кто-то ведь морок на него напускал?! Стало быть, смерти твоей ищет! Коли сила мерзкая на тебя ополчилась, одним чародейством не остановится. Надо бы осторожность проявить, пока колдуна сего не отыщем.

— Без охоты меня оставить хочешь?! — недовольно поморщился Вышемир.

— Воля твоя, княже, — отступая, пожал плечами волхв. — Я твой слуга, а не советчик. Однако же, ты сам знаешь, сколь часто при скачке по бездорожью люди и лошади калечатся! Коли ямам и завалам еще и порчей подсобить, совсем сие недобро получится...

Милюта неуверенно покрутил в пальцах свечу, но все же спрятал в сумку и легко поднялся в седло.

— Все едино настроение испорчено, други... — решил Вышемир. — Пусть Святогор славой по деревням и весям тешится, да хранит его Даждьбог! У нас же хлопот иных в достатке. Возвращаемся в Муром!

Святогора случившаяся неприятность тоже изрядно выбила из лихости и веселья. И потому он повелел охотникам двигаться к дороге.

Впрочем, остальные воины если и заметили досадную оплошность княжича, то виду не подали и продолжали на своем пути прочесывать сосновый лес, с безрассудным ухарством бросаясь в погоню за любым существом, попавшимся на глаза или выдавшим себя беспорядочным бегством. Благодаря этому шумная ватага смогла, помимо беспокоивших пахарей волков, добыть еще с десяток зайцев, трех оленей и одного сохатого.

Добычу освежевали уже возле тракта, расположившись на ершистом, недавно скошенном лугу. Дабы не портить землю, гридни развели костер на мощенном голышами съезде к луговине. Крохотные заячьи тушки, густо обмазав их накопанной у ближнего ручья глиной, дружинники кинули прямо в огонь, оленей повесили на вертел. Лося, разделав, обсыпали солью с перцем и сложили порезанные пластами куски мяса в кожаные мешки.

Пока парное мясо готовилось — воины пустили по кругу походные бурдюки с густым хмельным медом. Дружинники хохотали и веселились, вспоминая день, полный приключений.

Больше всего насмешек досталось бедолагам, искупавшимся в топкой торфянистой реке. Ополоснувшись в придорожном ручье, они избавились от вонючих коричневых разводов, — но теперь грелись возле костра нагишом, дожидаясь, пока высохнет выполосканная одежда.

Впрочем, нашлось что припомнить и другим охотникам. Кто-то ухитрился упустить метнувшегося под ноги зайца; кто-то, увлекшись, налетел на низкую ветку и кувыркнулся из седла, кто-то в горячке погони со всего хода врезался в собственного товарища. Забавных приключений нашлось на долю каждого!

— А ты чего приуныл, княже? — подав Святогору бурдюк с медом, присел рядом с ним Избор. — Славная вышла охота! И погода не подвела, и стаю разорили, и добычу взяли хорошую.

Круглолицый кареглазый паренек по возрасту был даже моложе младшего княжича, — однако же Радогост немало хвалил его за сообразительность и прилежание. Почему старый князь и приставил ловкого волховенка к своему сыну.

Ровесникам, известное дело, найти общий язык завсегда проще! Глупым упрямством отроки друг пред другом не выделываются, заботы общие понимают. С делом же своим — от порчи и сглаза княжича беречь — ученик не хуже мудреца опытного справится. Мудрец ведь надобен беды тяжкие отводить, колдовство сложное и могучее разрушать! А супротив мелких напастей великая сила ни к чему...

— Разве это охота, Избор? — пожал плечами княжич. — Вот о прошлом годе, помнишь, одной облавой полста оленей взяли! Да еще и двух медведей на рогатины! Вот то была охота, так охота... Ныне же баловство пустое. Токмо голодным не остаться.

— Нечто и вправду из-за охоты расстраиваешься? — не поверил юный волхв.

— Из-за нее... — Святогор выдернул пробку бурдюка, жадно прильнул к горлышку.

Избор терпеливо ждал. И дождался: княжич опустил кожаную флягу, тихо пожаловался:

— Пока отец жив оставался, братьями были! А ныне ровно русалка холодная между нами прошла... Как стена появилась. Брат он мне! И князь... Честен я с ним. Он же мне, чую, не верит... Опасается... Ровно на тигра ручного смотрит. Который вроде как и ласков, однако же руку в любой миг отхватить может. Посему и держится, ровно со зверем диким, настороже.

— Ты же знаешь, Святогор, как часто в землях подлунных ради звания княжеского брат на брата с мечом идет, зельем травит, чары жуткие насылает, — пожал плечами юный волхв. — Ты молод, но славы ратной на тебе куда как больше, нежели на брате старшем! И дружина

тебя больше любит, и ворог тебя больше страшится. Как же не опасаться Вышемиру, что с такой славой народ тебя на столе муромском предпочтет?

— Не нужен мне стол ценою жизни братской!

— Я про то знаю, Святогор, ты знаешь, он знает. Но ведь сколь часто ради власти земной брат на брата мечом идет, историй таковых и не счесть...

— Я в него чуть не выстрелил, Избор! — вдруг признался княжич. — Сижу, стрелу наложил, и ровно шепчет кто-то в ухо: — Олень это, Святогор, олень! Стреляй, не упусти...

Княжич снова жадно приложился к бурдюку.

— Морок? — встревожился волхв. — Никак, околдовал тебя кто-то на дурной глаз? А ну, обожди...

Он сбегал к своей сумке, вернулся с заговоренной свечой, запалил, обошел князя кругом, отговаривая и крестя огнем, уловил раскаленную отчиткой тончайшую нить, провел свечой вдоль нее, до самого княжеского плеча.

Нить лопнула и опала. Волхв глубоко вздохнул и облегченно загасил свечу:

— Снял порчу, нету более! Но в баню тебе, княже, сходить не мешает. Коли не на слово, а на поклад или мазок сглаз сделан, его смывать надобно. Так надежнее.

— Я хотел этого, — прошептал Святогор.

— Чего? — не понял Избор.

— Хотел выстрелить! Хотел стать князем! Князем, а не слугой! Стать князем самому! — воин судорожно стиснул бурдюк, снова поднес к губам.

— Но ведь ты не сделал этого!

— Но я хотел!

Ответ получился слишком громким, дружинники повернули к княжичу головы, замолчали, словно дожидаясь приказа.

Юный волхв крутанулся, направился к костру, бросил в пламя недогоревшую свечу:

— Порчу кто-то навел на Святогора! — пояснил он. — Мелкую, но все равно противно. Как там зайчики? Выкатывать не пора?

— Еще чуток пусть погреются, — ответил ему Журба; пожилой дружинник, один из немногих, вошедших в близкую свиту младшего княжича.

— Ну, ты тогда покличь, как пора будет...

Юный волхв вернулся к княжичу, сел рядышком, легким шепотом ответил:

— Сие не грех, Святогор, что князем стать жаждешь. Кровь у тебя в жилах княжеская течет, властная, горячая! Посему власти тебе желать не грешно. Грешно ради жажды этой через родича переступить. Однако же этого ты как раз и не совершил! Брата не тронул. И даже порча тебя на грех сей толкнуть не смогла.

Святогор покосился на Избора, прихлебнул еще немного меда, вдруг обхватил волховенка за шею, потянул к себе, уперся лбом в его лоб:

— Экий ты... Словокрут... Умеешь душу успокоить, страхи любые заболтать.

— У тебя заболтаешь, как же! Чего-чего, а как раз страхов у тебя и нет. Вовсе нет. Совесть у тебя есть. Честь и совесть! А это, Святогор, совсем другое...

— Плохо то, — отпустил Избора княжич, — что Вышемир с той же думой живет. Кровь у нас на двоих одна. И стол один! Мыслю, спокойно он заснет лишь тогда, когда я к отцу на пир отправлюсь. Хоть со славою, хоть без, но к отцу! Горевать он станет искренне, но вздохнет с облегчением.

— Он твой брат, княже. Он не станет тебя убивать!

— И я его не стану! Но ты ведь знаешь, Избор, сколь часто в нашем мире братья встречаются не за столом, а в сече кровавой? И стоят они обычно по разным сторонам бранного поля... Чудится мне, Избор, никому на этом свете не хочется погибать из-за излишней доверчивости!

А ведь у Вышемира еще и жена красавица, и сын растет малец, мой племянник. За них он тоже пред дедами нашими и прадедами в ответе.

— Никак, замыслил ты чего-то, Святогор?

— А что тут можно помыслить, дружище? — пожал плечами княжич и снова прихлебнул густого сладкого меда. — Жить надобно, как живешь. Но оно вот вдруг тяжко и оказалось...

— Глаз дурной на тебя кто-то положил, княже, — решил Избор. — Я тебе отчитку на воск сделаю и амулеты свежие добавлю. Глядишь, без чужой порчи и мысли у тебя веселее станут. Больно ты хмур! Так и до настоящего недуга догорюешься. Идем, с дружиной своей хлеб преломишь, меда выпьешь, а там и на душе полегчает!

* * *

Зимава и Лесослав вошли в деревню только поздним утром. У вербовщика получилось слишком много хлопот со снаряжением. Ведь напечатать требовалось не только одежду и оружие, — но и множество золотых украшений, котелок, огниво, ложки-заколки, ремни-портупеи, ножи-кастеты и уйму прочей мелочевки, необходимой для дальних походов и реальных схваток. За день управиться не удалось — а уходить из модуля в ночной мрак ни он, ни девушка не рискнули. Не то чтобы вербовщик, как его гостья, боялся анчуток, леших, навок и упырей — но вот перспектива переломать впотьмах ноги его совсем не устраивала!

Зато с первыми солнечными лучами туземка и вербовщик, сладко выспавшиеся в анатомических креслах, отправились в путь, — и еще задолго до полудня добрались до деревни, одолев два стандартных перехода без единого привала, как это обычно и бывает со свежими силами при первом выходе на маршрут.

Деревня Притулка притулилась к обрыву над плавно изогнутым озером того же названия, заболоченным с одной стороны и заросшим непролазным ельником с другой.

Отчего жители не трогали эти дикие заросли, Ротгкхон знал из памяти своей пленницы — где-то за ними, среди путаных скрытых троп и омутов, были сделаны схроны на случай набега заречных торков или иных каких злых соседей, али вовсе неведомых чужаков. Найти сии тайные укрытия оказалось бы трудно даже лесным следопытам!

Торки же, привычные к открытым степям, в дебри вообще старались не соваться...

К обрыву, облюбованному селянами, тянулся длинный пологий склон, почти весь перекопанный и засаженный репой, капустой и морковью. Только в нескольких местах имелись небольшие рябиновые заросли — земля там отчего-то не родила, и деревенские, дабы место не пропадало, сваливали в мертвые проплешины камни, что регулярно «*всплывали*» по весне на ближних и дальних пашнях.

Валуны в хозяйстве тоже были нужной вещью. Из мелких печи клали, крупные под новые срубы ставили, дабы нижние венцы не гнили, — а потому куч у рябиновых корней было то густо, то пусто.

Домов снизу виднелось всего пять — огромных бревенчатых срубов с крытым двором, каменными подполами, закопченными продыхами и совсем маленькими окошками, затянутыми промасленным полотном. Разглядеть что-либо через такую пелену было невозможно — однако большинство местных обитателей работали на улице, и потому появление Зимавы в роскошном платье, украшенном жемчугами и золотым шитьем, с новеньким дорогим поясом, да еще в сопровождении незнакомого мужчины, оказалось замечено почти сразу, стоило только путникам показаться на краю самого дальнего огорода.

Селяне, увидев сироту, тут же начали перекрикиваться, — и вскоре о преображении нищенки знали уже все, от мала до велика!

Местные жители подтянулись к дороге, и когда парочка добралась до околицы, здесь собралось не меньше полусотни человек. Бородатые мужики в холщовых штанах и рубахах, женщины в таких же серых платках и сарафанах, детишки — простоволосые, но такие же блеклые и повседневные.

— Хорошо, что ты не сгинула, Зимава! — порадовался за девушку один из селян. — Сестры вчерась ужо и оплакивать собрались, по дворам бегали, искали. Насилу успокоили, что задержалась где и с рассветом возвернешься... Какая ты вдруг стала... А это кто с тобой? Что за инородец неведомый?

— Это мой жених, дядя Чилига. Лесославом кличут, — весело крутанувшись, ответила Зимава. — Вот и платье мне уже на свадьбу подарил. Нравится?

— Как это жених? — вмешалась рябая толстушка с другой стороны улицы. — Откель вдруг такой взялся? На тебя, не иначе, морок лесавки чащобные напустили! И нам тоже глаза отводят... Чур меня, чур, отведи слово дурное, наваждение лесное, дух болотный...

— Ну и как, баб Виклина, помогло? — остановившись, чуть присела перед ней довольная Зимава. — Никакой он не морок! Гость торговый заморский. От ладьи своей на Оке отбился, в лесу заплутал, оттуда каким-то чудом до нас выбрался. Вконец отчаялся среди буреломов лесных! Обещал на мне жениться, коли к людям выведу. А мне и не жалко! Привела.

Девушка с довольной улыбкой оглянулась на Ротгкхона и раскинула руки:

— Смотри, Лесослав! Вот они, люди-то! Я тебя вывела, теперь ты мой. Уговор дороже денег!

— Бесстыжая ты девка, Зимава! — укоризненно покачал головой пожилой Чилига. — Нечто так можно, по нелепице дурной половину судьбы от мужика требовать? Несчастье с путником стряслось, а ты и пользуешься! Не слушай ее, мил человек, срамницу этакую... Такое обещание гнилушки болотной не стоит! Отдохни с устатку, подкрепись, да и ступай себе в город с чистой совестью. Никто тебе и слова дурного не скажет.

— Еще как скажет! — тут же парировала Зимава. — Я ведь его от самой Лягушачьей вязи отвела! Жизнь, почитай, спасла. По следу заметила и от топи бездонной завернула. Нечто жизнь людская ракитового куста не стоит?

— Ты, мил человек, что, так с походным мешком и заплутал? — с подозрением поинтересовался парень из-за жердяной изгороди. — С мечом и копьем от ладьи отстал?

— Бывалый воин с копьем и мечом никогда не расстается, — спокойно возразил Ротгкхон. — Смерть, она ведь завсегда рядом! Токмо и ждет, когда расслабишься... Из-за мешка же моя напасть как раз и случилась. В сторонке от глаз чужих хотел припасы кое-какие перебрать. Те, которые постороннему глазу лучше не показывать, дабы корысти лишней в душе не пробуждать. Вот со сторонением и перестарался! Так спрятался, что обратной дороги опосля не нашел...

Отговорка эта вызвала у деревенских немалое изумление. Глядя на воина с тяжелой золотой гривной на шее, с золотой застежкой плаща, двумя рядами крупных золотых пуговиц на груди, золотыми кольцами на пальцах и золотыми накладками пояса — трудно было поверить, что путник боится вызвать чью-то корысть содержимым вещмешка.

— Платье девичье у тебя тоже завсегда с собой имеется, добрый молодец? — с ехидством поинтересовалась баба Виклина. — Без меча и платья от ладьи не отлучаешься?

— Ну, так я его и смотрел... — запнувшись, пробормотал Ротгкхон.

Вот именно на этом, на подобных мелочах и засыпаются в чужих мирах очень многие вербовщики! Пилот, привыкший раз в два-три дня кидать запачкавшуюся форму в утилизатор и вместо нее распечатывать свежую, совершенно забыл, что в древних мирах все это происходит немного сложнее...

— Вез, небось, кому-то, — предположила другая женщина. — В подарок!

Ротгкхон открыл рот — и тут же закрыл, оценивая промах в легенде.

Воин не мог приготовить платья для торга — ведь он не купец.

Да и не торгует здесь никто и никогда готовой одеждой, только тканями!

Подарок родственникам тоже отпадал — он здесь чужеземец.

А значит, оставалось одно...

— Невеста! — охнула, догадавшись, баба Виклина и тут же прикрыла рот ладонью. — Невесту он где-то здесь присмотрел и с подарками за ней из дома возвертался!

Ну да... Такая версия годилась. Ротгкхон, лихорадочно перебирая в уме различные варианты отговорок, ничего лучше тоже придумать не смог.

— Зимава! Бесстыдница! Разлучница! — на все голоса сразу со всех сторон зашумели туземки. — Как у тебя рука поднялась?! Как язык-то повернулся! Да чтобы у тебя ноги отсохли: жениха от нареченной отрывать!

— Он ей еще не клялся, а мне уже: да! — упрямо объявила девушка. — Теперь мой!

— Как же ж ты такое сказываешь, как себя ведешь...

Положение спасли две девчонки, что промчались со всех ног мимо оград и кинулись на Зимаву:

— Сестра! Сестреночка! Ты пришла, ты вернулась!

— Все хорошо, милые мои, — по очереди поцеловала каждую из них в макушку девушка. — Я пришла, я вернулась! Сейчас мы покушаем, и расскажете, что без меня делали. Вы сами нашли, чего поесть?

— Лесной дядя, — из-под руки Зимавы глянула на Ротгкхона младшая. — Дядя на меня смотрел!

— Дядю зовут Лесослав, Пленка, — ласково ответила девушка. — Теперь он будет жить с нами.

— Дядя нас купил? — испуганным шепотом поинтересовалась средняя.

— Нет, Чаруша, дядя хочет на мне жениться, — покачала головой Зимава.

— А почему на тебе?

— Потому, что это я его нашла...

Ротгкхон услышал шорох за спиной, резко обернулся, качнув вниз боковым копьем.

Сверкающий кончик скользнул над самой пылью, — и паренек, перескочивший ограду, предпочел торопливо попятиться назад!

Впрочем, он, похоже, и не думал подкрадываться к гостю. Просто поленился обходить изгородь через далекую калитку.

— Ты можешь не выполнять клятвы, путник, — еще раз предложил стоящий на дороге Чилига. — Требовать награды от человека, попавшего в беду, грех! Да еще судьбу свою ломать из-за какой-то бесстыдницы... Отправляйся к своей нареченной с чистой совестью, никто о тебе дурного слова не скажет.

— Я никогда не нарушаю своего обещания, — твердо отрезал Ротгкхон. — Лучше утонуть в болоте, нежели жить лжецом!

— Дело твое, — пожал плечами селянин.

— Пойдем, Лесослав, — наконец отпустила сестренок девушка. — Я покажу тебе наш дом.

Дом трех сирот оказался совершенно крохотным, чуть не втрое меньше посадочного модуля. Шагов десять в длину, шагов в пять ширину, — причем снаружи!

«*Впрочем,* — напомнил себе вербовщик, — *это ведь не жилое строение, а всего лишь баня. Место, где туземцы каждые семь дней принимают водные процедуры*».

И для этих целей изба была очень даже неплоха: две комнаты, большая и маленькая, в каждой — полати. Засыпанная валунами каменная печь без дымохода, деревянные щипцы

для забрасывания раскаленных камней в деревянную кадку с водой. Так, насколько понимал Ротгкхон, туземцы кипятили воду.

Медные котлы, которые можно вмуровать в печь, были слишком дороги, и о них здесь иногда только сказывали счастливчики, побывавшие в богатых княжеских домах.

— Перекусим, потом разбираться будем, — решил вербовщик, скидывая мешок в первой комнате. Он размотал верхний клапан, достал новенький котелок, протянул Зимаве: — Вскипяти воды.

— Лучше не здесь, — покачала она головой. — Дым долго выветривается, ночью глаза щипать будет. Лучше на дворе. Сейчас по ночам тепло, дом можно не греть.

— Какой красивый! — охнула Чаруша и погладила сверкающий котелок пальцем. — Он, наверное, очень дорогой, да? Но ведь он на огне испачкается, закоптится!

— Милая, у дяденьки каждая пуговица на рубахе дороже нашей бани стоит! — тихо сказала ей Зимава. — Медного котелка для каши ему не жалко.

Ротгкхон только улыбнулся в ответ: милая, наивная старина! Они измеряют ценность предметов их химическим составом и сложностью форм!

Между тем даже бытовым плоттерам было абсолютно все равно, что печатать: хоть золотые пуговицы, хоть мечи с ножами, хоть котелки с жемчугами, хоть толстый плащ, имитирующий шерсть.

По расходу материала, кстати, самой дорогой вещью в его снаряжении была именно епанча, не имеющая никаких украшений! Вместо нее можно было бы нашлепать несколько горстей золотых и жемчужных побрякушек.

А в здешнем мире одна блестючка из мягкого желтого металла ценилась как сто натуральных плащей!

Парадокс...

— Дядя, а ты и здесь будешь на меня смотреть? — поинтересовалась Пленка, хлопая изумрудными глазками.

— Буду, — кивнул вербовщик. — А ты можешь смотреть на меня...

Он прихватил копье и шагнул на улицу, уже на ходу начиная крутить боковиной около себя. Выбрал открытое место рядом с заросшим высокой полынью пепелищем и затанцевал, отбиваясь от воображаемого противника.

Что бы там ни придумывали медики, какие бы мышечные стимуляторы, релаксаторы и активаторы ни создавали — но все космонавты, любых рас и цивилизаций в долгих полетах всегда теряют навыки и силу. Сидячая служба, переменная гравитация, много сна и мало действия. Природу не обманешь — и чтобы вернуть навыки и восстановить активность тела Ротгкхону требовалось как минимум несколько дней напряженных тренировок. В идеале — несколько десятков дней.

Поэтому, не жалея сил и времени, пилот садился и поднимался, прыгал, кувыркался — не переставая при этом удерживать вокруг себя плотную защитную стену из рассекающего воздух клинка.

Селяне поглядывали на это действо издалека и наверняка делали для себя верные выводы по поводу доступности для себя золотых гривен и пуговиц нежданного гостя.

Пленка же радостно запрыгала, захлопала в ладоши:

— Дяденька, а меня так научишь?!

Она кинулась к вербовщику, и тот вынужденно остановился:

— Осторожнее, зацеплю!

— Дай! — потребовала она.

Ротгкхон хмыкнул, вложил ратовище копья ей в руку — и тяжесть оружия тут же оттянула девчоночью руку до земли.

— Дядя обманул, — заплакала Пленка, бросив боковину на землю. — Дядя плохой!

Она кинулась к сестре и обняла ее за талию, плаксиво жалуясь.

Та стала поглаживать несчастную по голове, следя за водой в котелке.

Чаруша же сидела у обложенного камнями очага на корточках и старательно подпихивала хворост в пламя.

Пожалуй даже, девочки следили не за водой, а любовались невиданным сокровищем, нежданно попавшим в руки.

Медный котелок по здешним меркам был весьма редкостным достоянием!

— Кипит!!! — громко сообщила Зимава.

— Снимай! Сейчас контейнер принесу...

Разумеется, в полевых условиях вербовщику следовало использовать местные продукты. Но прежде, чем использовать, — их нужно было найти, а потому на первое время Ротгкхон прихватил с собою сублимированную белковую смесь, что разводится горячей пресной водой в соотношении один к восьми.

Разумеется, вычислять пропорции вербовщик не стал — бухнул на глазок несколько ложек, хорошенько размешал, давая продукту пропитаться жидкостью, а когда от того едко запахло витаминизированной пастой, первым зачерпнул солидную пайку коричневого паштета.

— Готово, — растерев пищу по небу, решил он. — Налетай!

Девочки, не дожидаясь повторного приглашения, быстро заработали ложками.

Вербовщик, несколько удивленный такой торопливостью, откушал всего немного и обратил внимание, что Зимава к котелку не тянется вовсе:

— А ты чего дожидаешься? — не понял он. — Тут, похоже, зевать нельзя!

— Мы-то уже кушали, — разворошила догорающий хворост девушка. — А они еще нет. Лучше схожу к роднику за водой, а то в кадке совсем пусто...

— То был завтрак, Зимава, — не понял Ротгкхон. — А это обед.

— Ну-у... — девушка не стала вдаваться в подробности, а просто взяла от бани коромысло, две бадейки из стянутых кожаным кольцом деревянных реек и отправилась вниз по склону.

— Понятно...

Вербовщик по здешнему правилу тщательно облизал ложку и спрятал в специальный поясной чехольчик. Этот туземный обычай, в отличие от многих иных, ему сразу понравился. Когда своя ложка всегда с собой и ешь ты только ею — куда как меньше шансов подцепить заразу, коли с чужаками из одного котла хлебаешь.

Девочки, правда, по микрофлоре были чисты — две из сестер совершенно точно, проверены! К тому же, на модуле имелся аварийный комплект антибиотиков и вирусоподавителей. Но все равно — зачем рисковать понапрасну?

— Ой, как это было вкусно! — младшие уже успели добить весь паштет, и Чаруша, пока ее сестра вылизывала котелок, старательно приводила в порядок свой деревянный черпачок. — Мы теперь всегда так вкусно кушать будем, дядя Лесослав?

— Всегда, — согласно кивнул вербовщик.

Пленка, покончив с котлом, оставила его на траве, кинулась к пилоту, обняла, прижавшись ухом к животу:

— Ты хороший, дядя Лесослав! Жалко, что тебя Зимава, а не я нашла!

— Ничего страшного. Мы все равно будем вместе, — похлопал ее по спине вербовщик.

— Ой, дядя Стражибор идет! — у Чаруши резко округлились глаза, и она шмыгнула за баню.

Пленка на предупреждение никак не отреагировала.

Она, похоже, вообще ничего не боялась.

Не умела...

— Мир сему дому! — громко поздоровался с дороги невысокий розовощекий толстячок со взъерошенной бородой и густыми курчавыми усами. Голову гостя укрывала матерчатая шапочка, расшитая непонятными рунами, одет же он был в длинный бесформенный балахон.

Впрочем, в разгар буднего дня в деревне все выглядели одинаково. Дармоедов здесь не обитало, от зари и до заката работали все. Даже волхвы — а этот мужчина, как понял вербовщик, был именно священнослужителем.

— Здоровья тебе, мил человек, — кивнул в ответ Ротгкхон. — Тебя, никак, от пашни оторвали?

— Да какая пашня, когда хлеба скоро колоситься начнут? — рассмеялся толстяк, отмахиваясь от мух длинным прутом. — А вот крышу у сарайчика доделать не дали, твоя правда. Закончить сие дело надобно, пока дожди не начались. Похвист, он ведь паренек переменчивый! Сегодня спит, завтра грозу надует... А ты, стало быть, тот самый чужеземец и есть, коего Зимава в лесу подобрала?

— Можешь называть меня Лесославом, мудрый человек, — освободившись от цепких объятий Пленки, подошел ближе к гостю вербовщик. — Мыслю, не верит никто, что в чащах ваших живого путника встретить можно? Селяне проверить послали, не оборотень ли я часом?

— Больше к мороку склоняются, — не стал отрицать очевидного волхв. — Да токмо Карачун иной раз такие хитрые порождения придумывает к смертным засылать, что обычному пахарю и в голову не придет! Сказывают, големы земляные в Муром как-то заглядывали. Полуденница чудища соломенные сотворить способна, русалки же иные от девок столь неотличимы, что на них мужики даже женятся и детей заводят!

— Суровый дядька этот ваш Карачун! Однако казалось мне, он только зимой так лихо хозяйничает?

— Зимой у него токмо самый праздник, Лесослав, — поправил чужестранца волхв. — А начудить он в любой день способен! Особливо в ночь...

— И как же вы с ним боретесь, мудрый человек, коли его власти в любой день и час хватает?

— Добром, чужеземец, добром, — покивал божий слуга. — Идол его в святилище нашем наравне с прочими стоит. Подарки ему носим, яствами угощаем, Чернобогом ласково называем. Глядишь, вредить и перестает... Но что же мы через порог с тобой беседуем, чужеземец? Выходи ко мне, сделай милость!

Ротгкхон не очень понял, о каком пороге говорит гость, — но все же шагнул из покосившейся калитки на пыльную дорогу.

— Для несчастного, что много дней в чаще плутал, выглядишь ты зело довольным, — склонив голову набок, неспешно обошел его Стражибор, и его опущенный прут, якобы случайно волочась следом, очертил по пыли полный круг. — Не исхудал, не обтрепался.

— А чего мне худеть? Огниво и подстилка с собой, еды в лесу в достатке, сквозь буреломы не ломился! Одно плохо, друзей своих потерял... Теперича ждать придется, пока назад поплывут.

— Из каких же ты краев будешь, Лесослав? Каким богам вы молитесь, кому службу несете?

Волхв небрежно, словно балуясь, нарисовал возле края замкнутого кольца одну руну, другую. Третью...

Ротгкхон сделал вид, что не замечает этой наивной хитрости и ответил:

— Служим мы великому собирателю, повелителю миров!

Понятия «*Империи*» в русском языке, увы, не имелось, а пересказывать его смысл вербовщик счел слишком долгим занятием и перешел к следующему вопросу:

— Молимся же мы девяти друидам, что разошлись в начале творения во все концы Вселенной, дабы нести смертным свет истины.

— Вот как? — волхв так заинтересовался, что даже перестал выписывать защитные символы. — Что же это за друиды такие великие?

— Верим мы, — ответил Ротгкхон, — что сотворив Вселенную, Создатель собрался обучить детей своих, наделенных искрой разума, любви, совести и мудрости, воспитать их равными себе, дабы не испытывать более горького одиночества. Однако же миров обитаемых оказалось так много, что попасть сразу во все не смог даже он! И тогда Создатель разделился на девять сущностей, дабы донести до каждого творения хотя бы часть своей любви и знания. В каждом из миров пришедшего к ним друида считают всемогущим богом, но на самом деле высшую истину можно познать, только объединив в единое целое все девять мудростей. Искать новых друидов и новые учения, есть священный долг каждого приверженца нашей веры! В сем и состоит главный смысл нашего служения.

— Ты пришел к нам искать одного из друидов?

— Это было бы огромным счастьем, Стражибор! Но, мне кажется, вы следуете учению третьего друида.

— Откуда ты знаешь мое имя? — тут же встрепенулся волхв.

— Девочки назвали.

— А-а... — вроде как даже разочаровавшись ответом толстяк вернулся к начертанию рун. — И многих друидов вы успели найти?

— Наши святилища смогли собрать пять учений пяти друидов, — ответил Ротгкхон. — Четверо все еще не допустили нас до своей мудрости.

— Каковы же они? Те, которых вы встретили?

— Они разные, Стражибор. Разные, как и должно быть сущностям, из которых складывается единое целое! Девятый друид похож на вашего Чернобога, третий подобен Сварогу, пятый холоден, как камень мельницы, седьмой горит, как пламя в горне кузнеца, четвертый неслышен, как спящее озеро... Кто из них интересен тебе больше прочих? Сказать, кто из них является покровителем колдунов?

— Я знаю, — продолжая чертить, кивнул волхв. — Ты заметил мое чародейство с самого начала. Но ты не испугался, чужеземец. И это хорошо. Болотник, анчутка или иная нежить давно бы бросились наутек. Но я все-таки закончу, ты не против?

— Пожалуйста, — только улыбнулся Ротгкхон. — Коли у селян подозрений не будет, то и мне спать спокойней.

— А какому друиду поклоняешься ты, чужеземец? — спросил Стражибор.

— Как и положено искателю истины, я стараюсь совместить в душе все известные учения! Ведь и ты сам, волхв, принося жертвы Карачуну, не отрекаешься ни от Хорса, ни от Похвиста, ни от радуниц.

— Дядя Стражибор... — Зимава поднималась по дороге, тяжело переставляя ноги, и даже говорила с трудом. — Ты уже знаком с моим женихом?

— Да, девочка, — кивнул толстяк, наконец-то закончил свою работу и с гордостью отступил: — Чрез эту линию ни одна нежить переступить не способна! От лихоманки она тоже хорошо оберегает, крикс же болотных, банников и домовых вовсе насмерть держит!

Зимава замерла, бледнея на глазах.

— Давай, помогу, — быстро подступил к ней Ротгкхон, развел руки и снял одновременно оба ведра. И от той легкости, с которой он это сотворил, девушка и вовсе стала похожа лицом на снег.

— Ты... — с трудом выдавила она, но фразы так и не закончила.

— Не беспокойся, милая, мне не тяжело.

Он направился к бане. Зимава, чуть помешкав, кинулась следом, нагнала у двери:

— Как ты смог? Как перешагнул запретную черту?!

— Я собирался уйти в мир людей, — вербовщик поставил ведра за порог, — и хорошо к этому подготовился. Ну что, Зимава? Теперь хоть кто поверит, что я леший, а не обычный путник, заблудившийся в лесу? Несчастный, которого ты обманом заставила на себе жениться?

— Ты отказываешься? — сглотнула девушка.

— Нет, уговор есть уговор! — покачал Ротгкхон головой. — Я на тебе женюсь, а ты навечно сохранишь тайну того, кто я такой. Но больше не думай, что это такая уж страшная угроза. Я всегда могу доказать, что я самый обычный смертный! Ты будешь молчать?

— Клянусь могилой матери!

— Тогда сказывай, чего делать? Мне нужно искать сватов, или ты просто сговоришься с волхвом об обряде? Только имей в виду: сватов тоже придется искать тебе! Я ведь здесь не совсем здешний.

— Я упрежу Стражибора! — расцвела улыбкой Зимава, метнулась к оставшемуся на дороге толстяку. И пока вербовщик переливал воду из ведер в большую деревянную кадку, успела его в чем-то убедить, завела во двор.

— Вправду ли ты согласен, чужеземец, взять в жены Зимаву нашу, сироту и бесприданницу, без раздумий и помолвок, без гуляний и праздников, без совета с родичами своими, либо друзьями? — сурово поинтересовался волхв. — Ведомо мне, не так просто клятва твоя дана, не так безмятежно вы встретились...

— Когда я встретил ее в чащобе, Стражибор, она показалась мне невероятным чудом, показалась прекраснее богини красоты! — вполне правдоподобно признался пилот. — И потому клятву свою я давал со всей искренностью.

— В твоем положении даже старая знахарка показалась бы желанной красавицей, Лесослав, — усмехнулся священнослужитель. — Чего может стоить обещание, данное от полной безысходности? Тем паче, сказывают, иная дева была у тебя на примете, к иному порогу ты путь свой держал? Хорошенько поразмысли, иноземец! Семьи должны создаваться для радости, а не по нужде...

— Что за смысл в клятвах, Стражибор, если отрекаться от них при первой возможности?

— Честность твоя достойна восхищения, — кивнул волхв. — Однако же заветов Сварожьих она заменять не должна. Зимава, освободи путника от данного им обещания! Скажи, что возвращаешь данное слово гостю своему назад.

— Шум какой-то на дороге! — привстала на цыпочки девушка. — Не иначе, боярин какой приехал?

— Зимава! — сурово повысил голос Стражибор.

— Да правду говорю, гомон какой-то!

— Ты отказываешься?

— Нет, не отказываюсь, — фыркнула девушка и притопнула ногой: — Лесослав, я освобождаю тебя от данного обещания!

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул толстяк, скинул свою странную шапочку, пригладил жесткие волосы. — Теперь, чужестранец, когда ты свободен от своей клятвы, я хочу спросить тебя еще раз: ты все еще согласен взять дщерь нашу Зимаву в свои законные жены? После сего согласия она останется рядом с тобою до конца дней твоих, как здесь, так и мире посмертном, и ты обязан будешь и здесь, и на небе заботиться о ней со всем тщанием, и о детях ваших, и изменить ничего более уже не сможешь!

— А ведь и правда какая-то толпа по дороге тащится, — глядя через его голову, ответил Ротгкхон. — С оружием!

— Вы чего, шутки шутить вздумали?! — возмутился волхв. — Вот я вас...

— Я согласен! — вскинув обе руки, торопливо перебил его вербовщик. — Я все равно хочу взять ее себе в жены!

— Ну, коли желание твое твердо, завтра к полудню жду вас у родника, — кивнул Стражибор. — Рад за вас, дети. К лучшему сие. Сердцем чувствую, к добру... А что там за шум?

Он повернулся — и охнул от неожиданности, вскинув ладонь к простоволосой голове:

— Чур меня! Никак князь едет?!

Лошади дружинников двигались без торопливости, величавым спокойным шагом, ибо настроение у княжича Святогора было не таковым, чтобы мчаться куда-то сломя голову. Да и наказ братский был разумным и ясным: показать смердам, что не даром их правитель с воинством своим оброк мужицкий проедают! Про сечи в землях далеких деревням знать, верно, и не к чему, а вот серых разбойников приструнить, которые то скотину задерут, то овчарню разорят, а то и ребенка утащат — вот за сие в каждом селении поблагодарят от души...

Местный люд и правда быстро собирался вдоль дороги. Кланялся, скинув шапки, кричал здравицы, всматривался в суровых плечистых воинов и младшего княжича.

Святогор в ответ на приветствия кивал, иногда даже поворачивая голову, и вглядываясь в лица смердов, словно бы кого-то узнавая или пытаясь припомнить.

Подданные должны знать, что для князя они вовсе не на одно лицо, что он знает их, не чурается и оберегает из любви, а не со скуки!

Деревня Притулка была третьей и предпоследней на их пути в Муром. Святогор привычно кивал смердам в серых потных и запыленных рубахах, бородатым и с небритыми головами, — когда из общей серой массы неожиданно резко ударило по глазам яркое пятно. Там, в стороне от дороги, на разоренном дворе, не имеющем ничего, кроме бани и старого овина, стоял возле богато одетой тощей бабы воин в непривычно короткой атласной рубахе со множеством золотых пуговиц, в синих свободных шароварах, заправленных в сиреневые сапоги, да еще и с мечом на странном поясе с вертикальными ремешками.

И лицо у воина тоже было непривычное, нерусское.

Княжич еще только натягивал поводья, а в направлении его взгляда уже поскакали молодые удалые гридни, помахивая плетьми:

— Ты почто, грубиян, княжичу не кланяешься? — грозно поинтересовался Бонята: дружинник молодой, всего два года на службе, ничем себя особо пока не проявивший, а потому постоянно исходящий непомерным гонором.

— С чего бы мне вдруг кланяться? — усмехнулся незнакомец, отступая к лежащему на земле копью, но глядя на Святогора. — Я человек вольный, надо мной власти ни у кого нет! Вот возьми меня на службу, княже, жалование достойное положи. Тогда поклониться и потружусь.

— Сколько же серебра ты для себя достойным считаешь, иноземец? — поинтересовался княжич.

— А ты меня испытай! — предложил воин. — Поставь супротив самого сильного из своих витязей. Коли одолею воина, его жалование мне и клади.

— Хвастун! Давай со мной! Со мной справиться попытайся! — спрыгнул на землю Бонята. — На чем драться хочешь?

Святогор укоризненно покачал головой. Бонята ведь был его даже старше, пожил куда более — но явно не понимал, что взрослый воин в дорогой одежде и с особым личным оружием наверняка прошел не одну сотню жестоких схваток! И если он до сих пор жив — неопытному юнцу с ним лучше не связываться.

— Зачем тебе жалование, иноземец? — подъехал к княжескому стремени боярин Валуй. — На тебе злата столько, что сам десяток ратников на год нанять можешь!

— Что на мне, то мое, витязь! — широко улыбнулся вербовщик. — Зачем тратиться, коли сверх этого еще серебра получить можно?

Боярин глянул на княжича. Тот пожал плечами. Дружинник спешился, забрал с крупа лошади щит, направился к иноземцу, вытягивая меч, приказал новику:

— Бонята, дай ему щит.

— Не нужно, — отмахнулся Ротгкхон. — Мой клинок длиннее. Без защиты как раз на равных окажемся.

Боярин Валуй спорить не стал. Он плашмя ударил мечом по своему щиту, показывая, что начал бой, ринулся вперед.

Вербовщик выхватил свой клинок, оказавшийся намного уже, но в полтора раза длиннее русского, мягко скользнул навстречу.

Гридня отступать не захотел, — чуть сдвинул деревянный диск, рубанул противника сверху вниз. Ротгкхон, не замедляя бега, отбил клинок влево, коленом врезался в низ щита. Тот, качнувшись в рукояти, открылся сверху, и вербовщик возвратным движением меча резанул в открывшуюся щель на всю длину своего клинка.

Дружинник, спасаясь от верной смерти, резко откинулся назад, распластавшись на траве, тут же вскочил, нанес удар набегающему врагу окантовкой в грудь — но тот внезапно, поджав руки, прикрылся широким эфесом, стремительно провернулся, словно прокатился по щиту, и с размаху рубанул боярина по затылку...

Разумеется — плашмя, и разумеется — не со всей силы.

— Проклятый инородец! — гридня развернулся, снова ударил клинком по щиту, вызывая незнакомца на новый бой.

— Хватит! — резко приказал Святогор. — Больно вы разгорячились. Так и до настоящей крови дойдете. А нам это ныне не к чему.

Ротгкхон резко выдохнул, передернул плечами и спрятал меч.

— Что скажешь, княже? — широко улыбнулся он. — Достоин ли я жалования, равного с этим бойцом?

— Умение драться в дружиннике не главное, — задумчиво ответил Святогор.

— Знаю, княже. Но преданность и дисциплину я могу доказать только в долгом походе!

— Это хорошо, что ты ценишь верность и исполнительность, иноземец, — кивнул княжич. — Сие есть очень важное умение.

— Это мой жених! — вдруг решила похвастаться Зимава и, подбежав, сцапала Ротгкхон за локоть. — Его зовут Лесославом. Он из гостей торговых, но отстал от своих.

— Чегой-то старовата баба для невесты! — заржал Бонята.

Ротгкхон снял руку девушки со своего локтя, поманил его пальцем:

— Иди сюда! — и положил ладонь на рукоять меча.

— Чего я не терплю в дружине, Лесослав, — нравоучительно сообщил Святогор, — так это усобиц. Меж своими распрей быть не должно!

Вербовщик нахмурился, но руку с меча убрал. Бонята, прикусив язык, заторопился в седло и тут же ускакал к дороге.

— Совет да любовь! — кивнул княжич. — Надумаешь верность доказать, Лесослав, приходи. Посмотрим, стоишь ли ты боярского серебра?

Он поворотил коня, промчался через двор, перемахнул изгородь.

Следом на рысях поскакала малая дружина.

— Славный юноша... — глядя ему вслед, решил Лесослав. — Молод, но разумен, дисциплина в кулаке, бойцы крепкие. Хочу!

* * *

Охотники вернулись в Муром уже в сумерках. Настолько поздно, что за последним из гридней стража сразу заперла ворота, надежно закрепив створки широкими и толстыми дубовыми балками. Снаружи проход дополнительно закрыл еще и поднятый пролет моста из расщепленных вдоль бревен.

По узким улочкам воины доехали до детинца, — и здесь за ними тоже затворились ворота.

Подбежавшая к всадникам дворня приняла лошадей, стала их расседлывать, снимать тяжелые сумки с добычей, отводить скакунов к стойлам, на ходу отирая бока и спины соломой.

Святогор первым поднялся на крыльцо бревенчатого княжеского дома, пропахшего дегтем и дымом, толкнул тяжелую створку — и увидел за нею брата, беседующего с Радогостом, нервно перебирающим в пальцах костяные четки.

Вышемир улыбнулся, шагнул к нему, крепко обнял:

— Рад, что ты вернулся! Уже тревожиться начал. Больно долго вы до города добирались.

— Ты же сам повелел по деревням проехать, смердам стаю перебитую показать? — не понял упрека княжич.

— И то верно! — отступил Вышемир. — Скажи гридням своим, пусть в трапезную идут. Стол накрыт уже, как раз ужинать собирались.

— Да, княже, — кивнул Святогор. — Плащ токмо и пояс походный в горнице своей оставлю.

Вышемир ранее не выказывал столь великой ласковости, и неожиданная заботливость брата вызвала у Святогора нехорошее предчувствие. Тем более — после досадной неприятности, случившейся накануне в лесу!

— Он любит тебя, — сказал князю волхв, когда младший княжич скрылся из виду.

— Я его тоже люблю, — кивнул Вышемир. — Он весь в отца, истинный князь! Но настоящим он сможет стать только после моей смерти...

— Ты не о том думаешь, княже! Святогор никогда не поднимет на тебя руку!

— Я видел, как он смотрел на меня, Радогост. Как пускал стрелу. Как передумал лишь в самый последний миг.

— И все-таки он передумал!

— Я знаю. Однако же князем он сможет стать лишь тогда, когда я отправлюсь к отцу...

— Такие мысли Муром до добра не доведут, княже! Негоже ссору в семье своей затевать! Святогор храбрый воин, воевода удачливый, в дружине любим. Не поймут ратники, коли ни за что, ни про что опалу на него наложишь.

— Все знаю, волхв! — поморщился правитель. — Брату моему равного на поле бранном нет, и для Мурома он ценность великая. Однако же жить с ним рядом, это как самострел в коридоре от татей поставить. Вроде, и верное оружие, и послушное, и нужное... Но чуть ошибись, и разом он для тебя же смертоносным окажется!

— Аккуратность в любом деле важна, княже.

— И дружина княжеская моей должна быть, а не Святогоровой! — в сердцах добавил Вышемир. — Все воины токмо ему в рот смотрят, ровно он на столе муромском сидит, а не я! Пойдем, Радогост, ужинать. Дружина, верно, заждалась.

Несмотря на поздний час, в трапезной было светло от десятков горящих на столах восковых маканцев и подвешенных к балкам масляных ламп. Уставшие за день и проголодавшиеся дружинники уже собрались здесь. Ближние к правителю гридни собрались возле стола, поставленного напротив входа. Дружинники Святогора — у одного из столов, стоящих поперек.

Вышемир мысленно отметил, что свита младшего брата раза в полтора больше княжеской, — но вслух ничего не сказал, прошел к высокому креслу за старшим столом, сел. Следом разместились на лавках его ближние помощники.

Однако остальные дружинники остались стоять. Волей-неволей, но Вышемиру пришлось ждать прихода брата.

Тот вбежал стремительно — запыхавшийся, но в свежей косоворотке, кивнул, уселся во главе второго стола, оглянулся, схватился за кубок.

Шустрый Бонята плеснул ему меда, и княжич тут же провозгласил:

— Долгие лета князю нашему, Вышемиру!

— Здрав будь, княже, здрав! — подхватили остальные воины, выпили, взялись за угощение, разбирая резаную репу и свеклу, придвигая миски с капустой и грибами, накалывая ломти ветчины и куски сложенной на подносы убоины.

На некоторое время в трапезной наступило молчание — рты у всех были слишком заняты.

Князь наколол на нож и съел пару кусков мяса со стоящего перед ним опричного блюда, налил себе вина, отрезал ломоть хлеба, положил сверху сочный шмат убоины:

— Дубыня, воевода мой славный. Видел я сегодня, ты расчисткой городского рва озаботился, пока мы отъезжали.

— Да, княже, — оторвался от свеклы старый воин. — Негоже ждать, пока берега оплывут. Коли ворог появится, поздно сие делать будет.

— За то тебе, Дубыня, мой поклон, — протянул ему кусок хлеба с угощением Вышемир.

— Благодарствую, княже, — поклонился воевода.

Получить особый, опричный кусок угощения из рук хозяина дома на Руси всегда считалось почетом. Не сытостью дополнительного куска, а знаком внимания и уважения...

— За Дубыню нашего давайте выпьем, други, — поднял кубок князь. — Любо мне такого воеводу иметь!

— Любо Дубыне, любо! — с готовностью подхватили дружинники.

— Кто из твоих славных витязей больше всех волков сегодня взял, брат? — обратился к княжичу Вышемир.

— Боярин Валуй отличился, княже, — повернулся к нему Святогор. — Да токмо не с нами он. К дому в городе отвернул.

— Жаль. Похвалить хотел охотника удачливого... — Вышемир поколебался, наколол еще один приметный кусок, положил на хлеб, протянул брату: — Но ведь старшим среди них был ты, мой брат! Тебе главная благодарность.

— Спасибо брат, за уважение, — поднялся Святогор, принял опричное угощение.

— Любо княжичу! — поднял кубок Вышемир.

— Любо! — громко подхватили гридни и князя, и его брата.

Дружинники выпили, еще перекусили. Выждав, Святогор наполнил кубок до краев, поднялся:

— Предлагаю, други мои, выпить за отца моего и князя нашего, за храброго Всеграда, ныне в чертогах самого Велеса пирующего. Пусть хоть мыслями своими он разделит наш хлеб и вино!

— За князя! За Всеграда! — обрадовались гридни Святогора.

Свита Вышемира здравицу поддержала, но с меньшим восторгом.

Князь муромский за отца все же выпил, поднялся:

— Гуляйте, други! Я же детинец обойду. Воздухом свежим перед сном подышу.

Вслед за правителем из трапезной выбрался и тихий, ничем не проявившийся за столом волхв.

— Ты видел, Радогост? — оглянулся князь, едва они вышли за дверь. — Он не прикоснулся к опричному куску! Даже малого кусочка не отрезал.

— Что же с того, Вышемир? Это же пир. Наверное, уже сыт.

— От опричного куска отказаться? Коли и сыт, однако же за оскорбление хозяина сие любой сочтет! — ускорил шаг князь.

— Ты рано ушел. Может статься, он вкушает твою награду сейчас.

— Нет, волхв, — мотнул головой Вышемир, — не станет он есть мяса из моих рук. Боится Святогор... Боится, что я его отравлю! Мысли же такие лишь в том уме появляются, который сам недоброе замышляет...

Чуть не сбив в своей стремительности дворовую девку, князь вышел на крыльцо, глубоко вдохнул:

— Хорошо здесь вечером! Прохладно... — и тут же продолжил: — Скажи же, Радогост, что мне делать? Брат мой супротив меня дурные мысли носит. И я о сем тоже забыть не в силах. Что мне делать, волхв?! Ты же самый мудрый в городе нашем... Ну, так скажи!

— Вот, возьми... — Радогост снял со своей шеи подвешенный на красном шнуре деревянный диск, на котором множество змей бились вокруг одинокой головы. — Амулет сей самой Триглавой заговорен, мощью ее и незыблемостью. Пусть он и женской силой пропитан, однако же тебе тоже пользу принесет. Коли сомнения одолеют, душа в тревоге дрогнет, прикоснись губами к змеевику, возьми крупицу ее силы. С нею к тебе и покой, и мудрость княжеская вернется.

Князь принял амулет, поцеловал, повесил себе на шею и склонил голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.